

Вадим Кучеренко

**ГИБЕЛЬ
ЗАМКА
ТАМПЛИЕРОВ**

Замок тамплиеров

Вадим Кучеренко

Гибель замка тамплиеров

«Автор»

2020

Кучеренко В. И.

Гибель замка тамплиеров / В. И. Кучеренко — «Автор»,
2020 — (Замок тамплиеров)

У бывшей московской журналистки Ульяны Русковой, давно уже живущей с семьей в старинном замке тамплиеров в Испании, появляется новый враг, самый могущественный из всех, которые у нее были. Тени прошлого встают из своих могил. Ее имущество, свобода и даже жизнь снова под угрозой, близкие люди в смертельной опасности, и единственный выход - вернуться домой, в Россию. Но и это очень непросто... Книга «Гибель замка тамплиеров» завершает трилогию, начатую романами «Замок тамплиеров» и «Сокровища замка тамплиеров». На ее страницах читатель встретится со многими уже известными ему героями и познакомится с новыми, не менее интересными и таинственными. Читайте новый увлекательный роман Вадима Кучеренко!

© Кучеренко В. И., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вадим Кучеренко

Гибель замка тамплиеров

Предисловие

Давно уже университет Саламанки не был так взволнован. Лекция Артура Цикаридзе, в которой он собирался разъяснить, как зародилась разумная жизнь на Земле, не так давно в качестве гипотезы произвела настоящую сенсацию в научном мире. И потому она не могла оставить равнодушными студентов и преподавателей древнейшего из университетов Испании, признанного самим Папой Римским еще в тринадцатом веке. Поэтому уже задолго до назначенного времени огромная аудитория, отведенная под лекцию, была переполнена. Были заняты даже проходы между скамьями. Пришли и вездесущие журналисты, представляющие не только испанские, но и иностранные средства массовой информации. Разумеется, они не могли упустить такого шанса, как волчья стая, завидевшая одиноко гуляющего по лугу беззащитного ягненка. До этого дня Артур Цикаридзе редко появлялся на публике и никогда не давал интервью. Биолог, исследовавший живые организмы и их взаимодействие с окружающей средой, он считался ученым с мировым именем, но общению с журналистами предпочитал отдаленный замок тамплиеров, где проводил все свободное от работы время со своей семьей.

О гипотезе Артура Цикаридзе слышали все, но его самого видели немногие. Поэтому когда он вошел в аудиторию, сотни глаз начали жадно обшаривать его с головы до ног. Это был высокий, черноволосый, смуглый, жизнерадостный и явно уверенный в себе человек на вид лет тридцати-тридцати пяти. Оглядев веселыми глазами собравшихся, он неожиданно улыбнулся и сказал:

– Я рад нашей встрече, друзья! Надеюсь, что и вы тоже.

Такое начало вызвало невольную симпатию даже у тех, кто пришел сюда с намерением разнести в пух и прах его гипотезу и заодно расправиться с ним самим. Ученому ответили громкими криками, поощрительным свистом и оглушительным улюлюканьем. Но когда Артур Цикаридзе поднял руку, все почти сразу смолкли, ожидая, что он скажет. И не были разочарованы.

Уже после первых слов ученого представитель крупнейшей испанской газеты «El País» продиктовал на диктофон, стараясь говорить как можно тише, чтобы его не услышали столпившиеся рядом конкуренты из других изданий: «Без долгих предисловий сеньор Цикаридзе сразу взял быка за рога». Как истинный испанец, больше всего на свете журналист любил корриду, и часто вставлял в свои репортажи образы, навеянные боем быков. В своем будущем материале он заранее отвел Артуру Цикаридзе роль тореадора, даже если бы его растерзала любопытная толпа, пришедшая на лекцию. Нечасто, но на арене бывало и такое.

– По моему глубокому убеждению, в научном труде Чарлза Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» высказано самое оскорбительное для любого мыслящего человека предположение, низводящее его на уровень животного, пусть и обладающего зачатками разума. – Говоря это, ученый перестал улыбаться. И без своей обаятельной улыбки как будто сразу постарел на несколько лет. Заметив эту метаморфозу, журналисты бешено защелкали фотоаппаратами. – Я считаю, и надеюсь доказать вам это, что человек не произошел от земной обезьяны, а прибыл на Землю из глубин необъятной Вселенной. И остался жить на этой планете, сначала потеснив, а затем попросту уничтожив без какого-либо естественного отбора большинство местных, коренных обитателей.

Аудитория громко ахнула и незамедлительно откликнулась свистом и смехом. Сквозь общий гам иногда прорывались отдельные выкрики:

– Дарвина – на костер!

– Не суди о том, чего не знаешь!

– Профессор, однажды мы все бываем безумны!

Поднявшийся гвалт прорезал чей-то прозвучавший на невыносимо высокой ноте голос, выкрикнувший услышанный всеми язвительный вопрос:

– Профессор, а кто были эти коренные обитатели? Обезьяны?

– Духи природы, – невозмутимо ответил ученый. – Те самые, о ком сказано в Ветхом завете. Откройте Первую книгу Моисеева. Бытие, глава первая. Там говорится, что Бог, сотворив землю, велел ей произвести «душу живую», и это был не человек, которого позже Он создал сам.

– Спорное утверждение, – раздался тот же голос. – Вы, ученый, отвергаете науку и призываете нас верить на слово!

Шум в аудитории заметно стих. Многие из присутствующих явно заинтересовались развернувшейся у них на глазах дискуссией и начали прислушиваться.

– Я призываю верить фактам, – спокойно отпарировал Артур Цикаридзе. – В теории Дарвина есть одно всем хорошо известное слабое место, называемое «недостающим звеном». Ведь его так и не нашли, как ни старались. Если верить Дарвину, то человек появился на нашей планете внезапно. Образно говоря, вчера еще по Земле бегали дикие обезьяны, а уже наутро ее населяли гомо сапиенсы, люди разумные. Спрашивается, каким образом и где они до этого скрывались?

– Вероятно, в Эдеме, – с насмешкой ответил один из журналистов, все это время яростно щелкавший спусковым крючком фотокамеры с длинным объективом, напоминавшей снайперскую винтовку. – Ведь так говорится в том авторитетном источнике, на который вы ссылаетесь.

– Но ведь в Библии не сказано, что Бог, поселивший человека в райском саду, создал его на Земле, – с улыбкой заметил ученый. – Это могло произойти в любом другом месте необъятной Вселенной. И, кстати, так оно и было...

Артур Цикаридзе хотел продолжать, но его опередила сидевшая в первом ряду хрупкая светловолосая девушка, с немим обожанием смотревшая на него.

– Но ведь Земля не может рожать, – робко сказала она, от волнения проглатывая окончания слов.

– Почему же? – вежливо спросил Артур Цикаридзе.

– Она не живая, – пролепетала девушка, покраснев от смущения.

– Мне вспоминается один из романов великого русского писателя Льва Толстого, «Воскресение», который я прочитал по совету своей жены, тоже родившейся в России, – немного помолчав, словно обдумывая неожиданный аргумент, сказал ученый. – В этом романе говорится, что если бы бактерия исследовала человеческий ноготь, то, несомненно, признала бы самого человека неживым существом. Потому что ноготь – это органическое вещество, не обладающее разумом. Вот так же и люди, живущие на Земле, отказывают ей в разуме. За земной корой они не могут рассмотреть ее вены, артерии, сердце – и душу. А ведь Земля – живая. И все, что есть на ней, тоже. Океаны, реки, деревья, поля, горы – все они обладают разумом, который, быть может, даже превосходит наш с вами.

– И часто вы разговариваете с деревьями, профессор? – раздался чей-то насмешливый голос. – Или только когда выпьете бутылочку риохи?

Артур Цикаридзе хотел ответить, но его опередили.

– *Multa sunt in moribus dissentanea multa, sine ratione*, – произнес невысокий и очень изящный, словно в прошлом он был балетным танцором, мужчина, сидевший почти у самого выхода из аудитории на краю скамьи. Он говорил, не повышая голоса, но почему-то его слышали

даже на самых последних рядах, как будто в аудитории появилось эхо, гулко отразившее его слова от потолка и стен. На какое-то мгновение смолкли самые отъявленные крикуны. Все растерянно озирались, пытаясь увидеть того, кто сказал эту непонятную фразу, прозвучавшую как угроза или предостережение.

– Эй, друг, переведи! – крикнул кто-то из задних рядов. – Мы не разобрали твою тарабарщину.

– Нет ничего превыше истины, и она восторжествует, – повторил мужчина уже на понятном всем испанском языке. И, сделав выразительный жест рукой, мрачно добавил: – Дикари! Favete linguis.

На этот раз и без перевода все поняли, что незнакомец, который явно не был ни студентом, ни преподавателем, ни журналистом, советует им попридержать языки. Гул возмущения накрыл гордящуюся своим свободомыслием аудиторию. Многие студенты вскочили с мест и начали топтать ногами, выкрикивая всевозможные ругательства на доброй дюжине языков. Даже представитель демократической «El Pais» присоединился к ним, посчитав себя оскорбленным. Артуру Цикаридзе очень нескоро и с большим трудом удалось вернуть относительную тишину.

Когда после этого он взглянул на то место, где сидел возмутитель спокойствия, то уже никого не увидел. Даже те, кто сидел с ним рядом, не заметили, когда и куда он исчез, словно мужчина в суматохе чудесным образом растворился в воздухе. А еще через мгновение никто уже не помнил о его существовании, как будто таинственный незнакомец и не существовал.

Даже сам Артур Цикаридзе тут же забыл о нем, как и об этом инциденте. Встряхнув головой, словно отгоняя назойливую мысль, которую он не мог облечь в слова, ученый продолжил лекцию.

– Итак, как я вам уже говорил, человек на Земле гость, а не хозяин...

Глава 1

Мартин Крюгер, глава юридической компании «Мартин Крюгер, Эргюс Бэйтс и Анжело Месси», находился в своем офисе, занимавшем целый этаж в одном из самых высоких и старинных зданий Нью-Йорка. У него был огромный кабинет, в окна которого можно было видеть весь Манхеттен. Был обеденный час, и он, покинув свой рабочий стол, сидел, утопая в массивном мягком кресле, за низеньким столиком, стоявшем у окна, и с брезгливостью смотрел на кровотокающий ломоть мяса, лежавший перед ним на золотой тарелке. Еще не так давно это было его любимое блюдо. Но теперь одна только мысль, что от мяса надо отрезать кусочек, положить его в рот и прожевать, вызывала у него легкий приступ тошноты.

С недавних пор Мартин Крюгер потерял вкус к еде, а если говорить откровенно, то и к жизни. Если бы ему напомнили о том, как однажды в нью-йоркском ресторане он заплатил сто тысяч долларов за съеденный омлет с лобстерами, который подавался на подложке из жареной картошки и был украшен десятью унциями севрюжьей икры, то Мартин Крюгер только бы горько усмехнулся. Былое чревоугодие, приносившее ему столько радости и удовольствия, осталось в прошлом. А почему произошла эта неожиданная метаморфоза, он и сам не знал. Несмотря на свою чрезмерную тучность, на здоровье он не жаловался и чувствовал, что может прожить еще несколько сотен лет. Если, конечно, с ним не произойдет какой-нибудь неприятности, подобной тем, что лишили жизни его компаньонов, Эргюса Бэйтса и Анжело Месси. Но Мартин Крюгер, несомненно, был намного умнее и осторожнее, чем они, поэтому он рассчитывал умереть своей смертью и в очень отдаленном будущем. Не мог он пожаловаться и на расстройство в делах, что для обычных людей зачастую является причиной потери сна и аппетита. С каждым годом, месяцем и даже днем Мартин Крюгер становился все богаче и богаче. Его неизменная и хорошо всем известная честность, когда речь шла о деньгах, вкупе с деловой хваткой и чутьем в финансовых делах приносили ему баснословные барыши, так что он даже уже и не знал истинных размеров своего состояния. Не ведал он и разочарований, связанных с любовью, поскольку с юности был глубоко равнодушен к женским чарам. Мартин Крюгер обладал редкостным качеством – он видел себя таким, каков он есть на самом деле: безобразным карликом с черной бородой и мрачным взглядом, присущим всем подземным жителям, а потому не обольщался на свой счет. Он знал цену женской любви, при необходимости всегда платил за нее и никогда не переплачивал, а потому был надежно застрахован от очарований и неизбежно следовавших за ними разочарований.

Нет, причиной потери интереса к жизни Мартина Крюгера были не деньги, женщины или здоровье, а что-то иное. И это был даже не приступ векового враждебного чувства ко всему человечеству, свойственного духам природы, к которым он, природный гном, принадлежал по своему происхождению. Он привычно ненавидел людей, среди которых жил, но не более того, и уж никак не больше обыкновенного, чтобы лишиться из-за этого аппетита. И он бы очень хотел знать истинную причину. Но даже не догадывался о ней. Эта причина пряталась где-то в глубинах его подсознания, в самых укромных и мрачных уголках, куда он и сам опасался заглядывать, а, следовательно, ситуация была безнадежной. Как говорили древние, это был *circulus vitiosus* – порочный круг.

Сам Мартин Крюгер считал, что помочь ему могло лишь время, излечивающее все и стирающее в пыль любые проблемы. Надо было только набраться терпения и ждать. И он ждал, впервые в своей жизни покорившись чему-то. И от этой своей непривычной покорности он впадал в еще большую депрессию, сам не понимая этого.

Мартин Крюгер лениво ковырял золотой вилкой остывший кусок мяса, когда зазвонил его мобильный телефон. Обрадованный тем, что можно прекратить мучить себя видом и запахом еды, внушающей ему отвращение, Мартин Крюгер взглянул на экран телефона и уви-

дел благодушное лицо Бальдерика Вигмана. Он был председателем совета директоров Спирит-банка, одним из главных акционеров которого являлся Мартин Крюгер. А еще он был прирожденным гномом, как и сам Мартин Крюгер. Поэтому клиентами Спирит-банка, который располагался в швейцарском Берне, были в основном духи природы, по тем или иным причинам поселившиеся среди людей, приняв их подобие, а частично даже привычки. Но не их образ мыслей. Гномы, эльфы, рароги и прочие древние народы – несмотря на природное разнообразие и внешние отличия, все они были исконными врагами человеческой расы. И это объединяло их точно так же, как объединяет религия самых разных по происхождению людей.

Мартин Крюгер был рад видеть своего родича и единомышленника, который к тому же дал ему повод закончить под благовидным предлогом обед. Он перевел звонок в режим видеосвязи. На экране, занимавшем почти полстены, появился низенький коренастый мужчина с пышной бородой, заплетенной в две массивные косы, которые были щедро украшены разноцветными драгоценными камнями.

– Приветствую тебя, глубокочтимый Мор! – произнес Бальдерик Вигман, называя Мартина Крюгера его настоящим именем.

Мартин Крюгер что-то глухо буркнул в ответ. При желании это могло быть воспринято как ответное приветствие, что Бальдерик Вигман и сделал. Но не преминул заметить на правах старого друга:

– Ты плохо выглядишь, старина. Тебя что-то тревожит?

– Хотел бы я сам знать что, – раздраженно произнес Мартин Крюгер. – Но ты здесь не при чем, Дер. Так что не обращай внимания.

– Надеюсь, моя новость вернет тебе хорошее настроение, – сказал Бальдерик Вигман, после недолгого колебания решив последовать совету. – За прошлый год благодаря нашему банку ты стал богаче на пару миллиардов. Ты рад?

– Я рад, – равнодушно ответил Мартин Крюгер.

– Что-то не похоже, – покачал головой банкир. И с прорвавшейся сквозь благодушие досадой добавил: – Хотел бы я знать, чем тебе можно угодить, Мор!

Мартин Крюгер помолчал, словно обдумывая этот вопрос.

– Я не понимаю тебя, Дер, – сказал он наконец голосом, лишенным убедительности.

– Мы знакомы с тобой почти тысячу лет, – сказал Бальдерик Вигман. – Я хорошо знал твоих компаньонов – Эргюса Бэйтса и Анжело Месси. Один больше всего на свете желал покорить всех без исключения женщин, которые ему встречались, другой лелеял мечту уничтожить весь людской род. А о чем мечтаешь ты, Мор? Я никогда этого не мог понять.

– Хочешь узнать? – хитро усмехнулся Мартин Крюгер. – Тогда начни с себя. Впрочем, если не хочешь...

– Почему же, – возразил Бальдерик Вигман. – Я скажу. Ты помнишь часы на колокольне Цитглоггетурм, которые видны из окна моего кабинета?

– Да, – кивнул Мартин Крюгер. – Они уже сотни лет украшают восточную часть древней колокольни.

– Так вот, я часто вижу, как передвигается минутная стрелка, но никогда не замечал движения часовой. И это потому, что я всегда спешу. Видишь ли, старина, выражение «время – деньги» не пустые слова. И все бы хорошо, но мне иногда кажется, что моя жизнь – это только иллюзия, сновидение. Чтобы избавиться от этого тягостного, признаюсь, ощущения, мне надо увидеть, как, дрогнув, часовая стрелка часов на колокольне Цитглоггетурм переходит с одной цифры на другую. Мне кажется, что только это явится доказательством того, что моя жизнь реальна и имеет какую-то ценность. Вот об этом я и мечтаю уже много веков.

Бальдерик Вигман помолчал, а затем тихо спросил:

– А что у тебя, Мор?

Но Мартин Крюгер был не настолько глуп, чтобы открывать даже старому другу свои самые сокровенные мысли. Вместо этого он привычно слукавил, сказав:

– Ты же знаешь и сам, Дер. Я жалкий тревоугодник. Мне бы только набить свое брюхо чем-нибудь вкусненьким. И чтобы оно не лопнуло, сколько бы я не съел. Вот это, пожалуй, и есть моя самая заветная мечта. И, кстати, я никогда не понимал Анжело Месси. Зачем уничтожать людей, когда можно их просто сделать своими рабами? Не говоря уже о Эргюсе Бэйтсе. Вот уж кто был по-настоящему...

Но Бальдерик Вигман не захотел продолжать эту тему. Он понял, что Мартин Крюгер не искренен с ним. И почувствовал обиду.

– Извини, Мор, но я спешу, – сказал он, не дослушав. – Поговорим об этом как-нибудь в другой раз. До встречи!

Экран погас. Мартин Крюгер улыбнулся. Он был доволен собой и только что состоявшимся разговором. Он узнал секрет Бальдерика Вигмана, не открыв ему своей тайны. А это не так просто, когда имеешь дело с таким пройдохой, как старый гном Дер. Да, Вигман стал слишком стар и сентиментален. И не пришло ли время подумать о том, нужен ли такой председатель совета директоров Спирит-банку?

И без того крошечные глазки Мартина Крюгера сузились. Он размышлял. Незаметно его мысли от Спирит-банка перешли на то, о чем он умолчал в разговоре с Дером. У Мартина Крюгера была мечта, о которой он не рассказал бы никому на свете, не доверил бы даже лучшему другу, будь у него такой. Он мечтал завладеть книгой, которая называлась «Гальдбрук».

Это была древняя рукопись, в которую вошли сорок семь заклинаний, составленных в средние века тремя ирландскими и одним датским магом на основе древних рун. С помощью этих колдовских заклинаний можно было лечить головные боли, бессонницу и бесплодие, очаровывать женщин, находить воров. А также победить любого врага. Произнесенная определенная магическая фраза вселяла панический ужас и вызывала непреодолимое желание покончить жизнь самоубийством. Любой человек, зверь и даже дух природы, кто бы он ни был, были бессильны противостоять этому. Даже пресловутый философский камень не смог бы принести своему владельцу того могущества, которое давали заклинания «Гальдбрука». Овладев этой рукописью, он, Мартин Крюгер, становился поистине всемогущим. Мечтая об этом, он впервые в жизни чувствовал себя счастливым.

Обычно очень скупой, даже жадный, когда речь заходила о деньгах, Мартин Крюгер, не задумываясь, потратил бы все свое громадное состояние, чтобы приобрести эту рукопись. Сам он узнал о ней совершенно случайно, подслушав разговор двух ирландских колдунов, которые после этого были жестоко умерщвлены по его приказу. Он даже знал, где она хранится – в замке тамплиеров, которым владел его бывший компаньон Анжело Месси, как он называл себя в мире людей. В действительности же он был рарогом, и по-настоящему его звали Рур. Рароги испокон века были беспощадными наемными убийцами и воинами, они умели воплощаться в хищных птиц с пламенеющим оперением, и Рур был одним из лучших представителей этого древнего народа – жестоким, не знающим жалости. И, разумеется, он никогда не тратил время на чтение. Книги попадали в его замок случайно, среди захваченной рыцарями-тамплиерами добычи и только благодаря своим инкрустированным золотом, серебром и драгоценными камнями переплетам, которые сами по себе стоили целое состояние. Содержимое рукописей никого не интересовало.

Анжело Месси даже не догадывался, какая страшная сила таилась в древних заклинаниях, собранных в «Гальдбруке». Вероятнее всего, он даже не знал, что владеет этой рукописью. Разумеется, что он, Мартин Крюгер, не стал посвящать его в эту тайну. Он просто предложил Анжело Месси купить у него всю библиотеку, которая к тому времени насчитывала уже тысячи томов, хотя на самом деле ему нужна была всего одна книга. Но когда дело было уже почти слажено, Анжело Месси погиб, коварно отравленный ядом. А его вдова, которую

звали Ульяна, совершенно неожиданно отказалась продавать библиотеку. Это был жестокий удар для Мартина Крюгера. Помнится, тогда он даже вспылал и жестоко наказал за эту неудачу своего второго компаньона и старого друга Эргюса Бэйтса, который выступал в этой сделке посредником и принес ему плохую новость. Он потребовал от Эргюса возместить ему убытки, а когда тот отказался, приказал убить его. Почти сразу же он пожалел об этом, но было уже поздно, приговор был приведен в исполнение. Мучимый раскаянием, Мартин Крюгер запретил себе тогда даже думать об этом и надолго забыл о своем намерении приобрести рукопись. Но теперь, после разговора с Бальдериком Вигманом, воспоминания нахлынули на него.

И неожиданно для самого себя Мартин Крюгер осознал, что потому и был несчастен все это время, что отказался от своей мечты. Именно это, понял он вдруг, сначала лишило его аппетита, а затем ввергло в депрессию. Без «Гальдбрука» его жизнь потеряла всякий смысл.

Но ведь еще ничего не потеряно, подумал Мартин Крюгер. Рукопись по-прежнему хранится в замке тамплиеров, и он все еще может стать ее владельцем, приобретя библиотеку. Вопрос только в цене. А уж за ценой он не постоит, будь то деньги или чья-то жизнь.

Мартин Крюгер радостно рассмеялся, заколыхавшись всем своим жирным телом. Его смех походил на приглушенное лягушачье кваканье. Внезапно он почувствовал, что голоден. Былой, почти первобытный, аппетит вернулся к нему, терзая его необъятное чрево и даря радость одной только мыслью о скором насыщении.

Он нажал на кнопку звонка, вызывая своего секретаря. Дверь почти мгновенно отворилась и в кабинет проскользнула невысокая худосочная девушка в темном брючном костюме, сшитом явно на заказ, но который, однако, не мог скрасить ее безобразной внешности. Мартин Крюгер предпочитал, чтобы на него работали лишь некрасивые и даже уродливые люди. Он искренне считал, что от красивых можно ждать только измены и предательства.

– Вы меня вызывали? – спросила девушка, не поднимая глаз. Она хорошо усвоила, что ее босс не любит, когда ему смотрят в глаза, принимая это за брошенный ему вызов. В таких случаях он часто бывал груб и даже жесток.

– Унеси вот это, Ирэн, – Мартин Крюгер пренебрежительно кивнул на остывший кусок мяса. – И закажи мне другой обед. На три персоны. Да пусть порции будут больше, чем эти. Намного больше.

– Слушаю, господин Крюгер.

– И скажи Морису Бэйтсу, что я хочу видеть его после обеда, – небрежно бросил выходящей из кабинета девушке Мартин Крюгер. – Пусть ждет меня в приемной.

Ирэн ничего не сказала, только кивнула, но ее глаза радостно блеснули. К счастью для нее, Мартин Крюгер не увидел этого.

Когда принесли обед, Мартин Крюгер дал волю своему аппетиту. Он ел и ел, словно пытаясь взять реванш за предыдущие месяцы воздержания, и все никак не мог насытиться. Когда он наконец встал из-за стола, то чувствовал себя почти счастливым, как в былые времена. Только мысль о «Гальдбруке» темной тучкой омрачала его настроение. Но сытый и довольный Мартин Крюгер был уверен, что и на этот раз получит все, что пожелает. Надо только приложить чуть больше, чем обычно, усилий.

Сыто отдуваясь, Мартин Крюгер выглянул в приемную и успел заметить, как Морис Бэйтс о чем-то оживленно разговаривает с Ирэн. Девушка улыбалась в ответ на его слова, и это делало ее лицо если не привлекательным, то и не таким безобразным, каким его привык видеть Мартин Крюгер. Они были чем-то похожи между собой, эти молодые мужчина и женщина. Оба почти болезненно худощавые, с легкой, почти неслышной, словно крадущейся походкой, эмоционально сдержанные, внешне малопривлекательные. И потому, казалось, они не замечали физических недостатков друг друга, легко, словно в самом себе, находя внутренние достоинства.

Мартин Крюгер давно догадывался, что Морис Бэйтс небезразличен к его секретарше, и она отвечает ему взаимностью, не очень умело скрывая это. Однако он прощал им это недопустимое для других сотрудников его компании своеволие, потому что Морис Бэйтс был дальним родственником Эргюса Бэйтса. Именно поэтому Мартин Крюгер разыскал его в Исландии, в заброшенной людьми крошечной рыбацкой деревушке, и взял на работу в компанию, словно пытаясь снять с себя часть вины за смерть своего старого друга и компаньона, к которой он был причастен.

Морис Бэйтс не знал об этом, и потому испытывал искреннюю благодарность к Мартину Крюгеру за его заботу о своей карьере. Мартин Крюгер знал, что может поручить ему любое задание, и он с ним блестяще справится, словно от этого зависела его жизнь. Эльфы, в отличие от гномов, умели быть верными и преданными. Морис Бэйтс был чистокровный природный эльф. Если у него и была маленькая слабость, так это kleptomания – пристрастие к мелкому воровству, роднившее его с Эргюсом Бэйтсом, который, будучи приглашенным в гости, никогда не мог пройти равнодушно мимо серебряной ложечки или другой безделушки, оставленной гостеприимными хозяевами без присмотра. Но от этого Мартин Крюгер только больше любил Мориса, узнавая в нем черты своего старого друга. Они с Анжело Месси всегда смеялись над этой маленькой слабостью Эргюса, когда еще были дружны и все живы...

Подумав об этом, Мартин Крюгер печально вздохнул и нахмурился. Заметив это и приняв на свой счет, Ирэн вздрогнула, словно перепуганный кролик, и вскочила с кресла, на котором до этого сидела. Морис Бэйтс тоже встал со своего стула и молча ждал, что скажет Мартин Крюгер. Он не выглядел напуганным, но был настороженным, как почуявший опасность волк.

Благодушно настроенный Мартин Крюгер кивнул ему, приглашая за собой, и вернулся в свой кабинет. Морис Бэйтс, бросив сочувственный и немного виноватый взгляд на Ирэн, последовал за ним.

– Морис, я хочу, чтобы ты немедленно вылетел в Испанию, – заняв место за своим письменным столом, занимавшим почти треть кабинета, и с наслаждением развалившись в мягком массивном кресле, заявил Мартин Крюгер. При этом он пристально смотрел на молодого мужчину, словно пытаясь найти на нем пусть даже отдаленный, слабый отклик возражения или удивления.

Но на лице Мориса не дрогнул ни один мускул, а только выразилось желание немедленно исполнить приказ. Гном удовлетворенно вздохнул, подумав, что он не ошибся, выбрав именно Мориса в качестве посла, которого он хотел отправить на переговоры с несговорчивой вдовой Анжело Месси, нынешней хозяйкой замка тамплиеров и бесценной рукописи «Гальдбрук». Если кто и сможет добиться от нее положительного ответа, так это Морис, неизменно сохраняющий хладнокровие и здравый смысл в любой ситуации.

– Ты наведишь вдову Анжело Месси, – продолжал Мартин Крюгер. – Она живет в замке тамплиеров вблизи испанского городка Леон. Кажется, ее зовут Ульяна, и она русская по происхождению. Эти русские – упрямый, несговорчивый народ, который непросто запугать или сломить. Поэтому ты должен убедить ее продать мне библиотеку, которая хранится в замке вот уже несколько сотен лет. Она получила книги в наследство от Анжело вместе с замком, но почему-то питает к ним слепую привязанность, быть может, в память о своем муже. Объясни ей, что любой траур рано или поздно заканчивается. А пятьсот миллионов долларов хватит на всю жизнь не только ей, но и ее детям и даже внукам. Быть может, на этот раз она окажется более сговорчивой.

– А если нет? – сухо спросил Морис Бэйтс.

– Тогда предложи ей миллиард, – усмехнулся Мартин Крюгер. – Или во сколько она оценит свою библиотеку. Любую сумму. Мне все равно. Но эти книги должны быть моими. Надеюсь, ты меня понял?

Морис Бэйтс молча кивнул. Если он и был удивлен такой невиданной щедростью, то Мартин Крюгер этого не заметил.

– Не забывай, Морис, ведь это люди, а не мы с тобой, – покровительственно заметил Мартин Крюгер. – Нет такой вещи, которую у них нельзя было бы купить.

– Или украсть, – позволил себе улыбнуться Морис Бэйтс. – Так всегда говорил мой дядя Эргюс.

Мартин Крюгер весело рассмеялся. Это высказывание было вполне в духе его старого приятеля Эга.

«Мир его праху!», – подумал Мартин Крюгер. И впервые со дня смерти Эргюса Бэйтса воспоминание о нем вызвало в душе старого гнома не едкую горечь утраты и раскаяние, а окрашенную в светлые тона печаль.

Глава 2

В аэропорту Барахаса Морис Бэйтс не стал брать такси, а арендовал автомобиль. Из того, что ему предложили, он выбрал комфортабельный и очень изящный *aspid*. Это было дорогое удовольствие, но все издержки оплачивал Мартин Крюгер, и он не видел причины, по которым должен был бы отказаться от него. Эта спортивная машина класса люкс с логотипом в виде угрожающе раскрывшей пасть змеиной головы имела такой мощный двигатель, что уже через три секунды набирала скорость сто километров в час. Это было слишком много для городских улиц, но Морис Бэйтс не собирался задерживаться в столице Испании и рассматривать ее архитектурные достопримечательности. От Мадрида до замка тамплиеров пролегало более трехсот километров, и эта небольшая по размеру машина с плавными и одновременно хищными обводами могла в считанные часы преодолеть это расстояние.

Однако, выехав из аэропорта, Морис Бэйтс не помчался с головокружительной скоростью, и не потому, что опасался неприятной встречи с испанскими полицейскими. Миновав Мадрид, он не торопясь ехал по шоссе, ведущему к замку тамплиеров, и любовался окрестностями.

Как и большинство исконных жителей Исландии, Морис Бэйтс был равнодушен к красивым пейзажам. Что занесло его предков, прирожденных эльфов, в эту «ледяную страну», как ее прозвали за обилие льдов, скрывающих под собой остров, первооткрыватели-викинги еще во времена короля Харальда I, он не знал, но не осуждал их. В настоящее время лишь незначительная часть Исландии была покрыта растительностью, типичной для Арктики. Здесь произрастали армерия, карликовая ива, камнеломка, колосняк, полевица, вереск, водяника – в основном все это были низкорослые и чахлые растения. Но еще в детстве он слышал, а позднее прочитал в византийских хрониках, что какую-нибудь тысячу лет назад, до того, как на острове поселились люди, в Исландии росли чудесные берёзовые леса. Люди безжалостно вырубали их, чтобы расчистить место под луга, где они могли бы пасти своих овец. И цветущий некогда остров превратился в почти лишённый растений ландшафт. Из-за этого испортился и климат. Погода начала резко меняться, иногда по нескольку раз в течение суток, и местные жители, словно пытаясь найти в этом утешение, утверждали, что если кому-то не нравится их погода, то пусть подождет пять минут, и станет ещё хуже. Слабым оправданием служило то, что на острове, из-за его изменчивого климата, не смогли прижиться ни назойливые комары, ни смертоносные рептилии, а единственным диким млекопитающим считался песец.

И во всех этих бедах Морис Бэйтс, как и остальные эльфы, винил людей. Поэтому их древний народ враждовал с местными жителями и всячески изводил их мелкими пакостями и злыми проказами. Они разоряли дома, портили скот, насылали болезни, вынуждая людей переезжать из маленьких рыбацких деревушек и крошечных городков в столицу государства Рейкьявик и его окрестности, где духи природы становились бессильными. Тем не менее, людей становилось все больше, а эльфы постепенно вымирали, лишённые питающих их соков матери-природы. Они были обречены, но лишь немногие из эльфов понимали это.

Среди этих немногих был и Морис Бэйтс. Но, понимая, он не смирился, а потому с большой неохотой согласился на предложение Мартина Крюгера переехать в Нью-Йорк. Морис Бэйтс убедил себя тем, что, воспользовавшись предоставленными ему в мегаполисе возможностями, он взойдет на вершину власти или разбогатеет, а после этого сможет быть более полезным своему народу в его великом противостоянии с людьми. Морис Бэйтс лелеял в душе мечту стать национальным героем, но об этом он не сказал бы никому, опасаясь показаться пафосным и смешным.

Однако какой бы благородной эта идея ни была, из-за нее одной он никогда не покинул бы свой родной остров. Его вела еще и месть – он надеялся найти убийц своего дяди, Эргюса

Бэйтса, и покарать их. Эта почти мифическая надежда вынудила его принять, скрепя сердце, окончательное решение.

Так он и жил под гнетом двух желаний, пока не полюбил Ирэн. Но даже ей он пока не решался открыть свои заветные мысли и чаяния.

Только однажды он чуть было не проговорился. Это случилось в тот вечер, когда он пригласил Ирэн в ресторан и угостил ее национальным исландским блюдом хаукарль, представляющим собой вяленое мясо акулы. Но в самый последний момент он все-таки удержался и перевел разговор на другую тему, вспомнив вдруг о том, что он эльф, а Ирэн, при всем ее уме и чудесном характере, человек, и едва ли она поймет, а тем более одобрит его планы. Вышло не очень удачно, и вечер, который начинался так замечательно, был испорчен. Но на прощание он осмелился поцеловать Ирэн, и она робко ответила на его поцелуй, тем самым давая понять, что не винит его и простила...

Плавное течение мыслей Мориса Бэйтса было внезапно прервано показавшимися вдали зубчатыми башнями замка тамплиеров. В раздумьях три или четыре часа пролетели незаметно. На фоне ярко-зеленой растительности и поистине испанского безмятежно-голубого неба башни выглядели мрачными и грозными, словно вставшие из небытия закованные в латы средневековые рыцари. Замок располагался на вершине высокого холма, у подножия которого паслись лошади. Даже издали были видно, что это чистокровные арабские кони, стоявшие немалых денег. Их стерег невысокий худощавый мужчина в жокейской кепке на голове, которому помогал черноволосый смуглый мальчик, весело и громко смеющийся над чем-то. Морис Бэйтс невольно залюбовался этой идиллической картиной. На службе у Мартина Крюгера он давно уже не встречал по-настоящему счастливых людей, какими выглядели эти двое.

Повинуясь безотчетному порыву, Морис Бэйтс остановил автомобиль и вышел из него. Он испытывал непреодолимое желание подышать свежим воздухом, а заодно подумать о том, с чего начать разговор с хозяйкой замка тамплиеров, о чем он совершенно забыл, любясь природой. Судя по словам Мартина Крюгера, она была несговорчивой особой.

Заметив, что мужчина и мальчик смотрят на него, Морис Бэйтс помахал им рукой. И увидел, как мальчик вскочил на одного из коней, не смотря на то, что тот был без седла, и поскакал по направлению к нему, видимо, приняв его приветственный жест за просьбу о помощи. Морис Бэйтс невольно залюбовался им. Мальчик казался кентавром, настолько свободно он держался на коне, крепко обхватив его бока ногами. Подскакав, мальчик легко спрыгнул на землю. Ему было лет десять на вид. Он был высок, узок в кости, но мускулист, азиатской внешности. Его чуть раскосые глаза вбирали в себя окружающий мир целиком и без остатка. Казалось, он не только вдумчиво смотрел на мир, но и размышлял над тем, что увидел.

– Здравствуйте, – вежливо и очень серьезно сказал мальчик. – Меня зовут Ксиу. Мы с Хуанито увидели, что вы махаете нам рукой. У вас что-то случилось?

– Вообще-то нет, – невольно улыбнулся Морис Бэйтс. – Но спасибо, что спросил. Я Морис.

Он протянул руку. Мальчик улыбнулся в ответ и, как взрослый, пожал ее. Его рукопожатие оказалось неожиданно крепким не по годам.

– Я направляюсь в замок тамплиеров, – сказал Морис. – Ведь это же он на вершине холма?

– Да, – кивнул Ксиу. – Я там живу. А вам кто нужен? Если Артур, то его сейчас нет в замке. Его пригласили прочитать лекцию в университете Саламанки.

– Мне нужна вдова Анжело Месси.

Во взгляде мальчика появилось удивление.

– Я не знаю, кто это, – сказал он. – Если хотите, я могу расспросить Хуанито. Или спросите сами у мамы, может быть, ей что-нибудь известно.

– Но ведь она владеет замком тамплиеров, – в свою очередь удивился Морис. – Как ты можешь не знать о ней, если живешь в замке? Ее имя Ульяна.

– А, теперь я понял, – с облегчением улыбнулся Ксиу. – Вы все перепутали. Ульяна – это моя мама. А Анжело Месси – бывший владелец замка. Мне о нем рассказывал Фолет, наш управляющий.

– А твоя мама..., – осторожно спросил Морис. – Она ничего тебе о нем не говорила?

– Нет, – покачал головой Ксиу. – Да и зачем? Этот Анжело Месси умер задолго до моего рождения. И он был плохим человеком. Так говорит Фолет.

– Плохим человеком? – усмехнувшись, повторил Морис Бэйтс. – Скажу тебе больше: он был человеконенавистником.

– А вы его знали? – заинтересованно спросил Ксиу.

– Как и ты, только по рассказам, – сухо ответил Морис, подумав, что он слишком разоткровенничался с мальчиком, поддавшись его обаянию. – Но мне пора ехать. У меня к твоей маме срочное и очень важное дело.

– У мамы сейчас очень мало свободного времени, – предупредил его Ксиу. – У нее недавно родился малыш, мой младший брат, и она заботится о нем. Так что вам, возможно, придется подождать, если он не спит.

– Это не беда, – сказал Морис. – С удовольствием поброжу по замку и полюбуюсь с его башен на окружающую местность.

– Боюсь, что этого вам не позволит Фолет, – рассудительно заметил Ксиу. – Вообще-то он хороший и добрый, но не очень любит чужих.

– Я постараюсь найти с ним общий язык, – улыбнулся Морис. – Что ваш грозный Фолет любит больше всего на свете?

– Свою жену Мару и мою маму, – сказал Ксиу. – Ну и, конечно, наш замок, который он считает своим домом. По его словам, он живет в нем уже чуть ли не тысячу лет. Удачи вам!

Мальчик снова легко вскочил на коня и поскакал к табуну. А Морис Бэйтс направился на автомобиле к замку тамплиеров, обдумывая только что полученную информацию. Его удивило, что мать мальчика явно скрыла от него имя отца. Ведь если она была вдовой Анжело Мессии, то Ксиу, несомненно, его сын. Незадолго до своей трагической гибели Анжело Месси завещал замок тамплиеров еще не рожденному ребенку, которого Ульяна носила в своем чреве, в уверенности, что она понесла от него. Так говорил ему Мартин Крюгер, отправляя на это задание. Сама Ульяна владеет замком лишь до совершеннолетия сына, когда он сможет вступить в свои законные права. Возможно, у вдовы на то есть свои корыстные причины, подумал Морис Бэйтс. Или здесь кроется какая-то тайна, раскрыв которую можно пролить свет на эту загадочную историю.

И Морис Бэйтс решил при первом удобном случае разобраться во всем, что связано с наследником Анжело Мессии и его вдовой. Он был уверен, что Мартин Крюгер будет ему благодарен за это. Старый гном любил узнавать чужие тайны и использовать их для своего блага. Почему бы не преподнести ему такой подарок? Подумав об этом, Морис Бэйтс улыбнулся. Он искренне считал Мартина Крюгера своим благодетелем, который к тому же был старым другом его дяди Эргюса.

Морис Бэйтс благоговел перед своим дядей. Эльфы испокон века ценили родственные связи превыше всего. А он к тому же был сиротой, его родители давно умерли, и дядя Эргюс оставался его единственным родственником. Его потеря причинила Морису истинную душевную боль. И если бы не Мартин Крюгер, а потом Ирэн...

Слезы затуманили глаза Мориса Бэйтса, как это всегда бывало, когда он вспоминал об этом. Как все эльфы, он был сентиментален. Он достал шелковый платок с вышитой в уголке золотыми нитками монограммой «М.Б», который ему подарила Ирэн, и промокнул веки. А затем решительно нажал на педаль газа. Он рассердился на самого себя за эту минутную сла-

бость, которая была явно не ко времени. Весь дальнейший путь он уже ни о чем не размышлял и не вспоминал.

Сначала дорога живописной лентой вилась вокруг холма, затем автомобиль миновал подъемный мост, ведущий к арке между двумя башнями с узкими бойницами, и въехал в вымощенный каменными плитами дворик, окруженный со всех сторон высокими крепостными стенами. Дворик был пуст, но как только Морис Бэйтс вышел из автомобиля, к нему подошел, прихрамывая, крохотный старичок, одетый в заплатанную красную куртку и не менее поношенные штаны синего цвета. Несмотря на теплую погоду, на голове у него была шапка наподобие фригийского колпака, со свисающим на лоб верхом и двумя клапанами на ушах. Старичок возник, словно из ниоткуда, и когда его хрипловатый голос прозвучал за спиной Мориса, он даже вздрогнул от неожиданности.

– Гостей не ждали, но всегда им рады, если они прибыли с добрыми намерениями, – произнес старичок.

Морис Бэйтс сразу признал в старике домового. Представителей этого народа люди считали защитниками домашнего очага и в то же самое время злобными мстительными существами, способными из-за нанесенной им даже невзначай обиды удавить сонного человека подушкой. В мире духов природы домовые находились на низшей ступени иерархической лестницы. Из-за их близости к людям все остальные древние народы относились к ним с презрением. Эльфы не были исключением.

– С самыми добрыми, старик, – высокомерно произнес Морис Бэйтс. – Наверное, ты и есть Фолет?

– Может быть, я и Фолет, а вот кто ты и зачем пожаловал? – уклончиво ответил старичок, с подозрением оглядывая гостя с ног до головы.

– Я представитель Мартина Крюгера, главы юридической компании «Мартин Крюгер, Эргюс Бэйтс и Анжело Месса», – сухо ответил Морис Бэйтс, протягивая ему свою визитную карточку. – Я хочу видеть вдову Анжело Месса. По очень важному делу. Так что поторопись известить ее.

– По какому такому делу? – взяв карточку, продолжал допытываться старичок, всем своим видом давая понять, что не сделает и шага, пока не разузнает подробности.

– Не твое дело, – надменно ответил Морис Бэйтс. Он знал, что с домовыми надо держаться только так, если хочешь, чтобы они относились к тебе с уважением. – Или ты от старости потерял память и уже забыл, кто такой Мартин Крюгер? Берегись, старик! Cave!

Услышав это грозное предостережение, Фолет сразу сник. Он прекрасно знал, кто такой Мартин Крюгер, старый друг и компаньон его бывшего хозяина Анжело Месса и один из самых влиятельных представителей мира духов природы, открыто и без боязни живущий среди людей под личиной человека. Фолет помнил, как страшен был Анжело Месса, но даже он опасался Мартина Крюгера. Боевой задор Фолета мгновенно иссяк, он опустил глаза, покорно повернулся и прихрамывающей походкой побрел по направлению к одной из башен замка. Там Фолета уже ждала высокая, на голову выше его, женщина, лицо которой оставалось в тени приоткрытой двери, и потому Морис Бэйтс не мог его хорошо разглядеть. Сначала она показалась ему даже юной, такой стройной была ее фигура. Но потом ее лицо на мгновение осветил луч солнца, и Морис увидел, что ошибся, и это старуха. Но он не был в этом уверен, потому что луч погас, и женщина снова показалась ему красавицей. И только тогда Морис Бэйтс догадался, что это была песанта. Так в Испании издавна называли женщин со скверным характером и имеющих из-за этого репутацию ведьмы. Только ради собственного удовольствия песанта могла перевернуть все в доме вверх дном, переломать мебель, порвать занавески и натворить много других бед.

Фолет, чей голос даже издали звучал тревожно, что-то сказал женщине, отдавая ей визитную карточку Мориса Бэйтса. И та, бросив мимолетный угрожающий взгляд на гостя, который он все же заметил, скрылась в замке.

Только очень беспечный человек мог поселить в своем доме песанту, подумал Морис Бэйтс. И уж совсем было странно, что в одном доме, пусть это даже замок тамплиеров, уживались домовая и песанта, совершенно разные как по складу своего характера, так и по привычкам, а потому люто ненавидящие друг друга. Морис Бэйтс покачал головой. Чем больше он узнавал, тем сильнее его интересовала нынешняя хозяйка замка тамплиеров. Она явно была незаурядной женщиной. И, судя по всему, могла стать весьма опасным противником.

Но когда спустя некоторое время Ульяна вышла из той же двери, за которой скрылась посланная Фолетом за нею песанта, и грациозной походкой танцовщицы направилась к нему, Морис Бэйтс усомнился в своих выводах. Он увидел перед собой рыжеволосую молодую женщину с немного усталым лицом, на котором явственно читались следы недосыпания. И, тем не менее, она выглядела доброй и милой женщиной, несомненно, живущей в душевном покое и в полном согласии с окружающим миром. У нее была налитая молоком грудь кормящей матери, которую не могла скрыть тонкая ткань платья, и немного располневшая после родов талия, но это не портило ее. Это была женщина в расцвете лет и красоты.

Морис Бэйтс почувствовал тревогу. Эта женщина вызывала у него невольную симпатию, как до этого ее сын. И это было плохо для той миссии, которую он взялся исполнить. Чтобы вернуть себе уверенность, он посмотрел на Фолета, который незримой тенью следовал за своей хозяйкой, бросая из-за ее спины опасливые и в тоже время предостерегающие взгляды. И презрительно улыбнулся ему, давая понять, что знает истинную цену его мнимой преданности и отваги. Морис Бэйтс терпеть не мог домовых, считая их низшими существами и трусливыми предателями. И не собирался скрывать этого.

– Вы хотели видеть меня, господин Бэйтс? – спросила Ульяна, подходя. У нее был приятный завораживающий голос, в котором нельзя было заметить ни тени кокетства или интереса к нежданному гостю. – У меня немного времени, только пока сын спит. А проснуться он может в любой момент. Так что...

– Да, я понимаю, – кивнул он. – И надеюсь, что не задержу вас. Зовите меня Морис. Я представляю главу юридической компании Мартина Крюгера. Несомненно, вы о нем слышали. У него для вас есть предложение, от которого, я уверен, вы не захотите отказаться.

– Слишком много слов, Морис, и это меня настораживает, – лицо Ульяны омрачила легкая тень. – Как говорили жители Лаконии, пока вы закончите свою речь, я уже забуду ее начало. Не могли бы вы сказать коротко и ясно, что Мартину Крюгеру нужно от меня?

– Библиотека, которая хранится в замке тамплиеров с древних времен, – сказал Морис Бэйтс, почувствовав невольное уважение к стоявшей перед ним рыжеволосой женщине, которая явно была не только красива, но и умна. – Он готов очень щедро заплатить...

– Разве вы не знаете, что однажды ко мне уже приходил представитель вашей компании с подобным предложением? – не дала ему договорить Ульяна. – Кстати, его фамилия тоже была Бэйтс. Эргюс Бэйтс. Он ваш родственник?

– Дальний, – коротко ответил Морис Бэйтс. Он был в замешательстве. Мартин Крюгер ничего не сказал ему об этом.

– Видимо, настолько дальний, что даже не сообщил вам, что год тому назад я заплатила ему сто миллионов евро в качестве отступного, чтобы ни он, ни кто-либо другой впредь никогда не приходили ко мне с этим предложением, – раздраженно сказала Ульяна. Она едва сдерживала гнев. – Или те деньги уже закончились, и вы пришли ко мне за новой мздой? Думаете, я буду платить вашей компании бесконечно? Но если так, то вы ошибетесь. Я тоже допустила ошибку, предложив библиотеку на продажу, но более чем щедро заплатила за нее. И на этом покончено. Так и передайте Мартину Крюгеру.

– Извините, но я ничего не знал об этом, – произнес Морис Бэйтс, когда женщина смолкла. И это было правдой, что читалось на его лице.

– Так спросите у Эргюса Бэйтса, – отрезала Ульяна.

– Дядя Эргюс погиб, – тихо сказал он. – Год тому назад.

– Видно, мои деньги не пошли ему впрок, – съязвила Ульяна, но тут же раскаялась в своей резкости. И с сожалением в голосе произнесла: – Простите меня, пожалуйста, за эти слова, Морис. Они вырвались сгоряча.

– Я сам виноват, – попытался улыбнуться Морис Бэйтс, но ему не удалось. Он чувствовал себя ужасно. – И все же, может быть, вы выслушаете меня? Мартин Крюгер предлагает вам за библиотеку...

– Ничего не хочу слушать, – перебила его Ульяна. – Вы мне симпатичны, Морис, только поэтому я все еще разговариваю с вами. Но не заставляйте меня быть грубой.

– Но почему? – спросил с искренним недоумением Морис Бэйтс.

– По одной простой причине, – сказала Ульяна. – Если такой человек, как Мартин Крюгер, хочет купить мою библиотеку, значит, я не должна ее продавать. Сама не знаю почему, но я уверена в этом. Добра от этого не будет. А зла в мире и так хватает. Вас устраивает такое объяснение?

– Вполне, – кивнул Морис Бэйтс. Неприкрытая и ничем не оправданная, с его точки зрения, агрессия Ульяны вернула ему утраченное на какое-то время самообладание. – Но главное, чтобы оно устроило Мартина Крюгера. Признаться, я сомневаюсь в этом.

– Переживу, – коротко отрезала Ульяна. – Надеюсь, вы найдете обратную дорогу из замка, Морис?

– Думаю, что да, – ответил он. И сказал с таким видом, как будто только что вспомнил об этом: – Кстати, по пути сюда я встретил вашего сына, Ксиу. Хороший мальчик, он мне понравился. Но почему-то он совсем не похож на вас. Да и на своего отца, Анжело Месси, тоже. Удивительно, не правда ли?

Эта пущенная напоследок парфянская стрела не пролетела мимо. Морис Бэйтс заметил, что женщина сильно побледнела. И ее дрожащие губы с трудом выговорили:

– Я надеюсь, Морис, что никогда больше не увижу вас. А чтобы быть в этой уверенной, я прикажу опустить стальную решетку и пропустить через нее электрический ток. Не забывайте об этом, если захотите как-нибудь снова посетить замок. Для вас и вам подобным нас никогда не будет дома.

– Я учту это, – сухо ответил Морис Бэйтс. – Пожалуйста, не провожайте меня.

Когда его автомобиль проезжал по подъемному мосту, Морис Бэйтс взглянул в зеркало заднего вида и увидел, как, преграждая проезд через арку, медленно опускается массивная стальная решетка с мелкими ячейками, через которые не смогла бы пробраться даже мышь. Это был единственный путь, ведущий в замок тамплиеров. Он усмехнулся, подумав, что Ульяна не замедлила выполнить свою угрозу. Судя по всему, она была по-настоящему напугана его последними словами. Над этим стоило подумать.

Когда автомобиль спускался по дороге с холма, навстречу ему проскакал табун лошадей, на одной из которых сидел Ксиу. Мальчик так подгонял своего коня, словно за ними гнались дикие звери. Вероятно, ему позвонила мать и потребовала его немедленного возвращения в замок, подумал Морис Бэйтс. И его решимость узнать тайну рождения Ксиу стала незыблемой. А в том, что эта тайна существовала, он уже не сомневался.

Но это могло, и должно было, подождать, так как ему предстояло более важное дело – сообщить Мартину Крюгеру, что попытка купить библиотеку замка тамплиеров потерпела неудачу. Морис Бэйтс невольно вздрогнул, представив реакцию разгневанного старого гнома. Он бы охотно спустился в жерло дымящегося вулкана, если бы это помогло ему избежать предстоящего разговора.

Глава 3

Отъехав на такое расстояние от замка тамплиеров, что его башни пропали из вида, Морис Бэйтс, не выходя из автомобиля, позвонил в Нью-Йорк.

Как он и предвидел, услышав, что вдова Анжело Мессии отвергла его предложение, Мартин Крюгер разъярился. А когда он услышал, что Ульяна заплатила Эргюсу Бэйтсу сто миллионов, только бы не продавать библиотеку, гнев ударил старому гному в голову и на мгновение лишил разума. И он с ненавистью прорычал:

– Проклятый эльф! А я еще жалел, что отдал приказ...

Мартин Крюгер не закончил фразы, сообразив, что наговорил лишнего, но было уже поздно. Морис Бэйтс услышал его и побледнел. Он остерегся переспрашивать и уточнять, какой приказ, имеющий отношение к его дяде Эргюсу, когда-то отдал Мартин Крюгер. Хорошо зная своего босса, он мог предполагать самое худшее. Впервые в его голове промелькнула мысль, что в трагической смерти дяди Эргюса виноваты не случайные неизвестные грабители, как это преподнес ему Мартин Крюгер. Но это было так ужасно, что он не поверил и загнал эту мысль в глубины своего подсознания. Мартин Крюгер был чудовищем, несомненно, но не настолько же, чтобы приказывать убить своего старого друга, тем более, что тогда он не знал о его предательстве. Всему этому должно быть другое объяснение, подумал Морис Бэйтс, и мысленно пообещал себе найти его.

– Не хочет по-хорошему? – снова зазвучал в трубке злоеший голос Мартина Крюгера.
– Пусть будет по-плохому. Как говорили древние, *auferte malum ex vobis* – исторгните зло из среды вашей. Ты понимаешь меня, Морис?

– Понимаю, – хрипло ответил Морис Бэйтс. Его горло внезапно пересохло, и произносимые слова терзали гортань. – Мне кажется, я нашел ее слабое место. Мы можем сыграть на этом. Но мне нужно время на то, чтобы кое-что выяснить...

– У меня нет времени на твои игры, – зло рявкнул Мартин Крюгер. – Я и так потерял его слишком много. Мне нужна эта библиотека, и как можно быстрее. Не будь тряпкой, Морис! Иногда нужно действовать, а не раздумывать. Ты способен на это?

– Да, – твердо ответил Морис Бэйтс, понимая, что от этого ответа зависит его будущее.
– Но что я могу – один и в чужой стране?

Мартин Крюгер помолчал, словно признавая справедливость его слов и обдумывая их. Наконец он снова заговорил.

– Где-то год тому назад со мной пытался встретиться капитан жандармерии из Леона. Это испанский городок неподалеку от замка тамплиеров. Его имя Карлос Санчес. Как передала мне Ирэн, он хотел сообщить что-то, имеющее отношение к Ламии Ламиани. Ты не знаешь ее, я имел с ней дело еще до того, как ты начал работать в нашей компании. Она из рода ламиаков. Выполняла для меня кое-какую грязную работу, которую я не мог поручить чистоплюям вроде тебя. Только не обижайся...

– *Non omnia passum omnes*, – словно пытаясь оправдаться, сказал Морис Бэйтс.

– Да, ты прав, не всякий все может, – буркнул Мартин Крюгер. В его голосе прозвучало сожаление. – Ламия не могла многое из того, на что способен ты. Но зато она с легкостью отправляла *ad patres*, к праотцам, моих врагов. Или снабжала меня информацией, войдя к ним в доверие. Да мало ли что еще... Я всегда был доволен ее работой. Но после выполнения последнего задания она куда-то пропала. А потом объявился этот полицейский. Разумеется, я не стал с ним встречаться. Но теперь приходится признать, что иногда и я бываю недальновидным.

Морис Бэйтс попытался возразить, но Мартин Крюгер не стал его слушать.

– Забыл сказать, что какое-то время Ламия была любовницей Анжело Мессе, и тот не раз приглашал ее в замок тамплиеров. Так что она хорошо ориентируется в замке. И, сдается мне, сильно недолюбливает его нынешнюю хозяйку. Быть может, она сама метила на ее место, и теперь не может простить...

Мартин Крюгер насмешливо фыркнул.

– Ты сегодня же встретишься с капитаном Санчесом и узнаешь от него, где находится Ламия, – сказал он тоном, не допускающим возражений. – Потом наведишь ее, где бы она ни была, и предложишь поработать на меня. Уверен, она согласится. Ее обычная такса – десять миллионов, из них один – авансом. И не скупись, Морис. Если она потребует на этот раз больше, заплати.

– И в чем будет заключаться ее работа? – осторожно поинтересовался Морис Бэйтс. Его удивляло, что обычно чрезвычайно расчетливый и даже жадный, когда дело касалось денег, в этом случае Мартин Крюгер не скупился.

– А вот это уже сам решай, – хмыкнул Мартин Крюгер. – Почему я должен думать за тебя? Но библиотека должна быть моей. И помни: *reticulum in toga* – опасность в промедлении.

В трубке зазвучали короткие гудки. Какое-то время Морис Бэйтс сидел неподвижно, задумавшись. Его мозг лихорадочно работал, осмысливая новую информацию. То, что ему предстояло сделать, Морису Бэйтсу было не по душе. Он никогда не был убийцей. А Мартин Крюгер весьма недвусмысленно дал ему понять, что жизнь вдовы Анжело Мессе зависит от того, продаст она ему библиотеку или продолжит упрямяться. И эта Ламия Ламиани... Наемная убийца Мартина Крюгера, жестокая и беспощадная, как все представители древнего рода ламиаков, умеющие принимать змеиный облик и при необходимости, или даже по собственной прихоти, безжалостно убивающие всех, кто вставал на их пути. Ему придется найти ее и использовать в интересах дела. Весьма обтекаемая формулировка, за которой можно многое скрыть от своей совести. Но не слишком ли часто он поступает с совестью с тех пор, как начал служить Мартину Крюгеру?

Дойдя в своих размышлениях до этого пункта, Морис Бэйтс подумал, что с него хватит на сегодняшний день копания в душе. И ему лучше всего воспользоваться советом старого гнома, пусть и данного с недобрыми намерениями: иногда нужно действовать, не раздумывая. Приняв это решение, он направил свой автомобиль в Леон, который по счастливой случайности находился всего в часе или чуть больше быстрой езды от замка тамплиеров.

– Хоть в чем-то мне сегодня повезло, – сказал сам себе Морис Бэйтс, и уже до самого Леона ни о чем не размышлял, отдавшись упоению скорости.

Он всегда любил головокружительную гонку на автомобиле по скоростным трассам, нарушая все возможные ограничения, но обычно предпочитал делать это ночью, чтобы не вступать в конфликт с полицией. Днем примерный законопослушный гражданин – ночью сорви-голова. Доктор Джекил и мистер Хайд в одном лице, как однажды сказала ему Ирэн, узнав о его страсти. Но после того, как однажды он прокатил ее по ночному шоссе, она сменила гнев на милость, и тоже увлеклась ночными гонками. Это было так чудесно: звездное небо, мелькающие в свете фар деревья, машущие им вслед ветвями, опустевший безмолвный мир, и только они вдвоем в тесном салоне автомобиля, словно астронавты, плывущие во Вселенной к далекой звезде, обещающей им все, о чем они мечтали...

Морис Бэйтс снизил скорость автомобиля только на окраине Леона. Городок, окруженный полуразвалившимися крепостными стенами, построенными еще древнеримскими легионерами, мог похвастаться разве что обилием старинных церквей. Морис Бэйтс, осторожно проехав по его узким улочкам, довольно быстро нашел здание, в котором размещалась жандармерия. Однако перед тем, как зайти в него и встретиться с неведомым капитаном Санчесом, он решил подкрепиться в одном из крошечных ресторанчиков, который заметил неподалеку. Он плохо переносил авиаперелеты, и в самолете, который доставил его из Нью-Йорка в Мад-

рид, ничего не ел. А потом добирался на арендованном в аэропорту автомобиле до замка тамплиеров, на протяжении всех трехсот с лишним километров пытаюсь выветрить из своих легких затхлый запах замкнутого пространства авиалайнера, переполненного дурно пахнущими потом и парфюмерией людьми. Все это время при одной только мысли о еде его начинало подташнивать. И лишь сейчас, увидев вывеску ресторана, он вспомнил, что ничего не ел почти сутки. Мгновенно голод начал терзать его желудок, как разъяренная акула.

Внутри было прохладно и тихо. Столики с каменными столешницами, массивные деревянные стулья с высокими спинками, приподнятый подиум для танцев в глубине зала – все выглядело очень древним, словно последние несколько столетий, значительно изменившие облик самой Испании, промелькнули, оставшись незамеченными хозяевами заведения. Когда Морис Бэйтс присел за один из столиков в углу зала, к нему не спеша, всем своим видом демонстрируя чувство собственного достоинства, подошла невысокая, чуть полноватая женщина средних лет. На ней была одета длинная красная юбка и черная полупрозрачная блуза с короткими рукавами, обнажающими красивые руки. Если бы не белый передничек и доска в руках, в которую она вписывала мелком заказанные клиентом блюда, ее скорее можно было бы принять за танцовщицу фламенко, чем за официантку. На улыбку Мориса Бэйтса и его приветственное «ола!» она ответила строгим, не допускающим вольностей, взглядом.

– Могу предложить корвель де каню, – произнесла она, не дожидаясь вопроса, таким тоном, как будто читала давно заученный и изрядно надоевший ей текст. – Как раз сегодня привезли свежего сыра. Наш повар прекрасно готовит это блюдо и даже дает мастер-классы по его приготовлению. Он знаменит на весь Леон. Его зовут Алехандро. Может быть, слышали о нем?

Она говорила по-испански, но Морис Бэйтс понимал ее. Он в совершенстве знал большинством языков, на которых разговаривали люди.

– К сожалению, не слышал, – сухо ответил Морис Бэйтс. Он не любил сыр, а особенно его запах. – А что кроме корвеля де каню есть в меню?

– Ах, да, вы же турист, откуда вам знать о нашем Алехандро, – с легким презрением в голосе произнесла женщина. – Еще есть мясо кролика с добавлением горчичного соуса, мясо дикого кабана, трюха и кровяная колбаса. На горячее овощной суп с вермишелью или чесночный суп.

Подумав, Морис Бэйтс заказал овощной суп и кролика. Официантка разочарованно хмыкнула и с затаенной надеждой спросила:

– А какое вино будете пить?

– Ничего, – коротко ответил Морис Бэйтс. – Если можно, то принесите ледяной воды.

– Так вы паломник? – удивленная таким скупым заказом, не удержалась от вопроса официантка. В ее тоне прозвучали почтительные нотки. – А по виду и не скажешь!

Морис Бэйтс не ответил, но официантке этого и не требовалось. По природе своей она была общительной женщиной, но в жизни слишком много натерпелась от мужчин, обращавшей ей во зло ее же любвеобильность. Поэтому в ее душе отчаянно боролись два чувства – желание поболтать с симпатичным клиентом и опасение, что она может навлечь на себя новые неприятности. Но еще ей было нестерпимо скучно, потому что в этот час ресторан был пуст, и обещал оставаться таким еще долго. А потому она, забыв об осторожности и успокоив себя тем, что от человека, путешествующего по святым местам, плохого ждать не приходится, разговаривалась.

– В таком случае, рекомендую заказать выпечку. Наш Алехандро изготавливает ее по рецепту одного из древнейших монастырей, в которых обычно питались паломники, идущие в Сантьяго. Уверяю, не пожалеете! Сам капитан гражданской гвардии Карлос Санчес частенько заходит к нам, чтобы отведать этой выпечки. Ну и, конечно, выпить рюмочку риохи. Благо, что жандармерия всего в двух шагах от нашего ресторана.

– Капитан Санчес? – заинтересованно переспросил Морис Бэйтс, выловив из бурного потока слов знакомое имя. – И как часто он к вам заходит?

– Да почти каждый день, в часы сиесты, – охотно ответила официантка. – Такой хороший человек! И настоящий мужчина. А вы что, его знаете?

– Нет, но хотел бы встретиться с ним, – ответил Морис Бэйтс. – Сразу отсюда я собирался отправиться в жандармерию.

– Так зачем идти? Через полчаса он сам сюда придет, – бросив взгляд в окно, в котором отражалось высоко стоявшее в бледном небе солнце, сказала официантка.

– Вы уверены? – настойчиво спросил Морис Бэйтс.

Бросив на него осуждающий взгляд, женщина с обидой произнесла:

– Любой может ошибаться, даже я.

На испанском языке эта фраза звучала почти как вызов: «Cualquiera se puede equivocar, incluso yo». Морис Бэйтс улыбнулся с таким видом, будто просил прощения за свое недоверие, и, меняя тему, так как узнал все, что хотел, спросил:

– Мне кажется или я ошибаюсь – когда вы не работаете официанткой, то танцуете фламенко?

– Как любая истинная испанка, – гордо ответила женщина. Но ее взгляд потеплел.

– Я бы очень хотел посмотреть, как вы танцуете, – сказал Морис Бэйтс. И пояснил: – Видите ли, я тоже в прошлом танцор. У себя на родине в Исландии одно время даже выступал на сцене, чтобы заработать на жизнь.

– Так приходите вечером, – пригласила его женщина. В ее голосе не осталось и следа недавней обиды. – И я покажу вам, что такое настоящее классическое фламенко! Сигирия в моем исполнении – просто чудо как хороша, так все говорят. Можно утонуть в слезах...

Она помолчала, словно решаясь на что-то, а затем сказала:

– Кстати, меня зовут Кончита. И мой девиз: «Nunca te arrepientas de lo que hiciste si en aquel momento estabas feliz». Никогда не жалею о том, что сделал, если в этот момент был счастлив.

– А мое имя Морис. И мой девиз «nunca te rindas aunque todo el mundo este en tu contra», – сказал Морис Бэйтс. – Никогда не сдавайся, даже если весь мир против тебя. Кажется, у нас много общего.

– О, да, – произнесла Кончита, глядя на него ласковыми глазами. – Так вы придете? Я оставляю вам место за столиком. По вечерам в нашем ресторане не так просто найти свободный стул.

– Я постараюсь, Кончита, – пообещал Морис Бэйтс, незаметно скрестив пальцы под столом. Он никогда не лгал без особой необходимости, а если случалось, то всегда скрещивал пальцы, суеверно оберегая себя от последствий невыполненного обещания. – А ты можешь познакомить меня с капитаном Санчесом, когда он придет?

– Хорошо, Морис, – кивнула женщина, сияя глазами.

– А сейчас я хотел бы поесть, – мягко напомнил ей Морис Бэйтс. – Ты не представляешь, Кончита, как я голоден!

– Одно мгновение, – пообещала Кончита и ушла с таким видом, будто у нее за плечами выросли крылья.

Глава 4

Морис Бэйтс допивал из своего стакана последний глоток ставшей уже теплой воды, когда в ресторан вошел человек в полицейской форме и со вздохом облегчения опустился на стул, который жалобно заскрипел под его громадным телом. У него было мясистое лицо, как будто вырубленное наспех неискующим скульптором из куска необработанного гранита и способное внушить страх самому закоренелому нарушителю закона. Морис Бэйтс без подсказки официантки догадался, что это и был капитан Карлос Санчес.

– Кончита, – не повышая голоса, рявкнул полицейский так, что задрожали стекла в окнах. – Мне как обычно.

Официантка уже спешила к нему. Она принесла запотевшую от холода бутылку красного вина, большой стакан и тарелку с пирожками. Поставив все это на столик, Кончита откупорила бутылку и что-то сказала, выразительным жестом указав на Мориса Бэйтса. Полицейский отрицательно покачал головой, даже не взглянув в его сторону.

– У меня сиеста, так что пусть идет ко всем чертям, – недовольно сказал он, не заботясь о том, что его может услышать не только Кончита. – Так ему и передай.

Капитан Санчес налил в стакан вина и одним глотком выпил его, закрыв глаза от удовольствия. Когда он открыл глаза, напротив него за столиком сидел Морис Бэйтс, взирающий на полицейского с таким видом, как будто тот был диковинным животным. Капитану Санчесу не понравился этот взгляд, а еще больше то, что незнакомец присел за его столик без приглашения. Он медленно и внушительно положил свои руки на стол и сжал кулаки, каждый из которых был размером с крупный грейпфрут.

– Не спешите проявлять агрессию, сначала послушайте меня, – улыбнулся Морис Бэйтс, без страха глядя на разгневанного полицейского, который был втрое крупнее его. – Вам что-нибудь говорит имя Мартин Крюгер?

Капитан Санчес разжал кулаки, но его взгляд не стал менее суровым.

– Не произносите при мне этого имени, – пророкотал он, словно морской прибор. – Если не хотите нажать такого врага, как я.

– Почему же? – деланно удивился Морис Бэйтс.

– Потому что Мартин Крюгер – заносчивый, надменный и безмозглый старикашка, которому не помешала бы хорошая трепка, – с глубоким убеждением произнес капитан Санчес. И с угрозой спросил: – Или вы будете возражать?

– Только в одном пункте, – улыбка Мориса Бэйтса стала еще лучезарнее. – Мартин Крюгер совсем не безмозглый. Именно поэтому я здесь. Это он направил меня сюда, чтобы я встретился с вами. И он поручил мне узнать, что вы хотели ему сообщить год назад.

– Почему же он не пожелал меня тогда даже послушать? – рыкнул полицейский. Но в его взгляде появилось сомнение.

– Он не мог, – уверенно солгал Морис Бэйтс. – В те дни он потерял своего старого друга и компаньона, Эргюса Бэйтса, и сильно горевал. Он не встречался ни с кем, поверьте мне. Отказал во встрече даже вице-президенту Соединенных Штатов. Это о чем-нибудь говорит вам?

– Допустим, – буркнул капитан Санчес. Но уже не так зло, как до этого.

– Но время лечит любые раны, даже душевные, – продолжал вдохновенно лгать Морис Бэйтс. – Пришел день, когда боль Мартина Крюгера утихла. И тогда он вспомнил о вас. Его очень беспокоит, почему дорогая его сердцу Ламия Ламиани, которую он любит, как дочь, не отвечает на его звонки. Вы случайно не знаете этого?

Морис Бэйтс заглянул в глаза полицейского и неожиданно заметил, что они увлажнились, словно тот едва сдерживал слезы.

– Потому что Ламия в тюремной камере, – тяжело вздохнув, ответил капитан Санчес. – Вот уже год она сидит в тюрьме и не может выйти. И все потому, что проклятуший судья арестовал ее банковский счет, и Ламии нечем заплатить, чтобы ее выпустили под залог. И в этом виноват я!

Полицейский, не сдержав эмоций, ударил могучим кулаком по каменной столешнице, и по ней пробежала тонкая трещина. Полупустая бутылка, звякнув о стакан, упала, красное вино, ручейком пробежав по столу, закапало на пол, образовав лужицу.

– Виноваты в том, что она в тюрьме? – осторожно спросил Морис Бэйтс. Он пока ничего не понимал.

– И в этом тоже, – сокрушенно покачал головой капитан Санчес. – Ее обвиняют в том, что она якобы убила моего подчиненного, лейтенанта Мигеля Гарсию. И это именно я заподозрил ее в том, что она не совершала, а потом, ослепленный жаждой мести, разыскивал по всей Европе. И нашел-таки – в казино Монте-Карло. Я сам – представьте только! – арестовал Ламию, когда она выходила из казино. А деньги, которые она в тот вечер честно выиграла, положил на ее банковский счет, рассчитывая, что они пойдут на оплату адвоката. В результате судья наложил запрет на этот счет, и у бедняжки не осталось ни евро не только на адвоката, но даже на залог, чтобы выйти до суда из тюрьмы.

Капитан Санчес обхватил свою голову руками, словно хотел оторвать ее.

– А что я могу на свою нищенскую зарплату полицейского? Мне с трудом удается оплачивать услуги второсортного адвокатишки, чтобы хоть как-то облегчить жизнь Ламии в тюрьме и отсрочить вынесение несправедливого приговора. Мадрид – не дешевый город. За этот год я потратил на адвоката все свои сбережения. И что будет, когда все мои деньги закончатся, не говоря уже о том, что произойдет, если об этом узнают моя жена и четверо детей?

Внезапно капитан Санчес отпустил свою голову и наставил огромный, как банан, палец на Мориса Бэйтса, словно хотел пронзить его грудь.

– А этот мерзавец, ваш Мартин Крюгер, не захотел меня даже выслушать! А ведь Ламия на него работала честно и преданно много лет. И вы считаете, что этот подонок не заслуживает того, чтобы я свернул его жалкую шею?

Морис Бэйтс слушал полицейского, не перебивая. Из его полу-бессвязной речи он понял не многое, но уяснил главное – капитан Санчес, несомненно, был влюблен в Ламию Ламиани, причем так страстно, что потерял всякую осторожность. Она свела его с ума своими женскими чарами. Морис Бэйтс знал, что такое случается с мужчинами, но воочию видел одного из этих несчастных впервые. И теперь с любопытством разглядывал капитана Санчеса, думая о том, смог бы он совершить столько безумств ради Ирэн. Но, так и не найдя ответа на этот непростой вопрос, спросил капитана Санчеса:

– Так вы говорите, что Ламия Ламиани не виновна в убийстве лейтенанта Мигеля Гарсии?

– Она чиста, как Дева Мария, – с глубоким убеждением заявил полицейский. – Вы об этом спрашиваете, потому что не знали лейтенанта Гарсию. Это был подлый человечиска. Он шантажировал Ламию и всячески издевался над ней, насильно заставляя ее путешествовать с собой. Она сама мне об этом рассказала, когда я пришел к ней на свидание в тюрьму. Ее спасло только то, что во время одной из экскурсий по древнему замку лейтенант Гарсия провалился в тайное подземелье и истек кровью, напорвшись на колья. Владельцы этого замка когда-то избавлялись таким способом от своих врагов. Гарсия стал случайной жертвой. Разве можно обвинять в его смерти такое невинное создание, как Ламия?

Морис Бэйтс из разговора с Мартином Крюгером вынес убеждение, что Ламия Ламиани не была воплощением невинности, в чем его пытался уверить сидящий перед ним и едва сдерживающий слезы полицейский. Но он остерегся возражать и открывать капитану Санчесу глаза на истинную сущность его возлюбленной. Да и не его это было дело. Перед ним стояла другая задача.

– Так вы говорите, что Ламия сейчас находится в одной из тюрем в Мадриде? – спросил он.

– Да, – ответил капитан Санчес. И не удержался, чтобы не добавить: – Бедняжка!

– И нужен денежный залог, чтобы судья отпустил ее до суда? – продолжал уточнять ситуацию Морис Бэйтс.

– У меня таких денег нет, – кивнув, сокрушенно произнес полицейский. – Поэтому я и обратился к Мартину Крюгеру. Меня надоумила сама Ламия, когда узнала...

– Как имя ее адвоката? – перебил его Морис Бэйтс.

– Антонио Рамирас, – после паузы, словно до него не сразу дошел смысл вопроса, ответил полицейский. – А вам зачем?

– Позвоните ему немедленно и скажите, чтобы к моему приезду он подготовил все необходимые документы для внесения залога, – сказал Морис Бэйтс. – Уже к вечеру я буду в Мадриде.

Капитан Санчес с все возрастающим изумлением смотрел на своего собеседника. Морис Бэйтс говорил таким не терпящим возражений тоном, что в его душе невольно возродилась почти угасшая надежда на спасение любимой женщины. Если бы незнакомец сказал, что они должны приобрести оружие, чтобы взять тюрьму штурмом и освободить бедняжку Ламию, полицейский не стал бы возражать, потому что сам, отчаявшись, не раз обдумывал не менее фантастические варианты.

– Что же вы? – с нетерпением спросил Морис Бэйтс, глядя на неподвижного полицейского, по лицу которого медленно расплзалась счастливая улыбка. Сейчас капитан Санчес напоминал статую достигшего нирваны Будды. – Так и будете сидеть? Звоните адвокату!

Пока капитан Санчес набирал номер и разговаривал с адвокатом по мобильному телефону, Морис Бэйтс расплатился с официанткой за свой обед, жестом подозвав ее к столику. Он более чем дружески сказал ей «адьёс», прощаясь. Во всяком случае, самой Кончите так показалось. В присутствии полицейского Кончита не осмелилась спросить, придет ли он этим вечером посмотреть, как она танцует фламенко. Она только проводила Мориса Бэйтса глазами, в которых светился пламенный призыв и обещание.

– Cuando veas caer una estrella, recuérdame, – прошептала, вложив в эти слова всю свою истосковавшуюся по любви душу, Кончита. – Когда увидишь падающую звезду, вспомни обо мне.

Но Морис Бэйтс не услышал ее, и даже не оглянулся, выходя в сопровождении капитана Санчеса из дверей ресторана.

На улице они остановились возле автомобиля Мориса Бэйтса, припаркованного у входа.

– Вы прямо сейчас едете в Мадрид? – полувопросительно, полу-утвердительно сказал капитан Санчес, глядя на него глазами преданной собаки. И почти жалобно произнес: – А я?

– А что вы? – сделал вид, что не понял его Морис Бэйтс.

– Я могу поехать с вами? – спросил капитан Санчес, впервые в своей жизни умоляя кого-то. – Пожалуйста!

– Это ни к чему, – сухо ответил Морис Бэйтс. – Вы мне будете только мешать в Мадриде.

– Я мог бы и не спрашивать, а просто поехать, – с обидой заявил полицейский. – У меня тоже есть автомобиль.

– А также служба в жандармерии, – напомнил Морис Бэйтс. – Как вы объясните своему начальству эту неожиданную поездку в Мадрид?

– Такую работу не жалко и потерять, – пренебрежительно произнес капитан Санчес. – Что такое Гражданская гвардия? Обеспечение общественной безопасности и дорожного движения, предотвращение правонарушений, задержании подозреваемых лиц и прочая подобная мелочь. И так всю жизнь.

– Не забудьте о жене и четверых детях, которых вам уж точно не стоит терять, – скрывая жалость к обезумевшему от любви полицейскому, сказал Морис Бэйтс. – Во всяком случае, пока не решится окончательно судьба Ламии Ламиани, в которой вы принимаете такое участие.

– Бедняжка, – не сдержавшись, прошептал капитан Санчес. Однако последний довод, как соломинка, сломавшая горб верблюду, убедил его. Он резко повернулся и пошел по направлению к жандармерии. Со спины он выглядел жалким и потерянным.

Морис Бэйтс сокрушенно покачал головой, вздохнул и, сев в автомобиль, тут же забыл о капитане Санчесе. Его ожидали несколько часов головокружительной гонки до Мадрида. И на какое-то время мысли об этом оттеснили на задний план Ламию Ламиани, которую ему предстояло вызволить из тюрьмы, и даже вдову Анжело Месси с ее таинственной библиотекой, которую по какой-то причине так жаждал приобрести старый гном Мартин Крюгер.

Aspid Мориса Бэйтса, словно ожив, взревел и рванулся с места. Уже через мгновение автомобиль скрылся с глаз Кончиты, незаметно наблюдавшей за ним из остекленной полутьмы ресторана, за завесой поднятой им дорожной пыли.

Глава 5

Вдали показались очертания гор, одна из которых возвышалась над остальными. Это был горный массив Сьерра-де-Гуадаррама с его высочайшей вершиной Пеньялара, у подножия которого раскинулся Мадрид, один из красивейших городов не только Европы, но и всего мира. В нем проживало свыше трех миллионов людей, говорящих на десятках языков. Подумав об этом, Морис Бэйтс нахмурился. Он предпочитал безлюдье Исландии, и год беспокойного существования в Нью-Йорке считал худшим в своей жизни. Он надеялся когда-нибудь вернуться на родину, где он только и мог быть счастливым. Жить на берегу моря, в какой-нибудь заброшенной рыбацкой деревушке, просыпаться на рассвете и видеть, как медленно всходит солнце, ловить рыбу, любить жену, растить детей – о другом он и не мечтал.

Но чтобы получить все это, надо было пройти испытание, которому подверг его Мартин Крюгер из самых добрых, как он уверял, побуждений. Пожить среди людей, разбогатеть, получить независимость, которую дают деньги и власть. А потом отказаться от всего достигнутого, швырнуть этому миру в лицо его мнимые ценности, уехать на свою окраину и просто жить, как истинный эльф, дитя природы, наслаждаясь каждым днем этой жизни *a solis ortu usque ad occasum* – от восхода солнца до заката. Это было не просто, но осуществимо.

– *Gaudet patientia duris*, – пробормотал Морис Бэйтс. – Долготерпение торжествует.

Утешив себя этой мыслью, он въехал в Мадрид. Долго петлял, отыскивая сначала улицу Гран Виа, а затем дом, где находился, по словам капитана Санчеса, офис адвоката по уголовным делам, которого он нанял для защиты бедняжки Ламии. Когда Морис Бэйтс уже почти отчаялся, то неожиданно увидел на одном из старых невысоких зданий, стоящих в глубине двора, торцом к улице, более чем скромную вывеску, извещавшую о том, что именно здесь, на втором этаже, находится адвокатская контора Антонио Рамираса.

Оставив автомобиль у подъезда, Морис Бэйтс вошел в дом и поднялся в полутьме по обшарпанной множеством ног каменной лестнице с облезлыми железными перилами. Офис адвоката выглядел не менее запущенным – дешевая мебель, отстающие кое-где от стен обои, пыльные оконные стекла, сквозь которые прекрасный старинный город выглядел унылым и грязным. Секретаря, как и самой приемной, не было вовсе. Открыв дверь, Морис Бэйтс сразу наткнулся взглядом на сидевшего напротив входа за небольшим письменным столом молодого человека, который представлял собой разительный контраст с обстановкой комнаты. Он был одет в дорогой, явно сшитый на заказ костюм, из-под которого виднелась белая рубашка с ярким шикарным галстуком. Его волосы, усы и борода были подстрижены по последней моде и, как можно было догадаться, подвергались этой процедуре не реже одного раза в неделю, что должно было обходиться их хозяину в кругленькую сумму. Несомненно, что Антонио Рамирас не экономил на своей внешности, что, возможно, съедало все его доходы и пагубно отражалось на внешнем виде офиса, в котором он принимал клиентов.

Но клиентов, вероятно, было немного, и в данную минуту адвокат скучал, печально глядя в окно. Услышав скрип открываемой двери, он опустил подернутые мечтательной дымкой глаза и сделал вид, что читает какие-то бумаги, лежавшие перед ним на столе. Однако обладавший острым зрением Морис Бэйтс заметил, что это не документы, а расписание боя быков на арене Лас-Вентас. Программку украшал памятник погибшим во время корриды матадорам.

– Вы по предварительной записи? – подняв голову от стола, спросил Антонио Рамирас. – Если нет, то, возможно, у меня не будет времени, чтобы обсудить вашу проблему. От меня только что ушел один очень важный клиент, и я с минуты на минуту жду следующего. А он член королевской семьи, и требует конфиденциальности при наших встречах. Надеюсь, вы меня понимаете – известная персона, слухи и все такое прочее... Впрочем, я готов вас выслушать, если это не долго.

– Gracias, – со скрытой иронией поблагодарил Морис Бэйтс, осторожно садясь на не внушающий доверия стул, стоявший у письменного стола. – Вы очень любезны, сеньор Рамирас.

– Что вас привело ко мне? – Антонио Рамирас доброжелательно улыбнулся, пытаясь произвести благоприятное впечатление на будущего, как он надеялся, клиента, который выглядел весьма респектабельно и, несомненно, был не беден. – Будьте откровенны со мной. Ведь адвокат – это почти что священник. Одному вы открываете свою душу, другому...

– Кошелек, – хмыкнул Морис Бэйтс. Он уже увидел достаточно, чтобы иметь желание продолжать эту затянувшуюся плохую игру. Капитан Санчес был прав – на свою зарплату полицейского он смог приобрести только второсортного адвоката. Не удивительно, что Ламия Ламиани уже год находится в тюрьме. Скорее, стоило удивляться тому, что ее не отправили на тот свет. Любой судья, имеющий дело с таким человеком, как Антонио Рамирас, с радостью приговорил бы его подзащитную к высшей мере, лишь бы не видеть эту прилизанную пародию на адвоката перед собой в зале суда и не слушать его напыщенную манерную речь.

– Я вас не понимаю, – с оскорбленным видом сказал адвокат. – Вы имеете честь что-то сообщить мне или...

– Меня интересует ваша подзащитная, Ламия Ламиани, – перебил его Морис Бэйтс. – Вас должны были предупредить о моем визите.

– О, да, конечно, – Антонио Рамирас преобразился на глазах, словно спустился с небес, где он парил до этого, на землю, став обыкновенным человеком. – Карлос Санчес звонил мне сегодня. Он сказал, что появилась долгожданная возможность внести залог за мою подзащитную. Это правда?

– Да, – сухо сказал Морис Бэйтс. – Но сначала мне хотелось бы больше узнать об этом деле. Боюсь, что капитан Санчес пристрастен, а потому не совсем объективен.

– А, этот мужлан! – с презрением воскликнул Антонио Рамирас. Имя Карлоса Санчеса, казалось, произвело на него такое же впечатление, как красная тряпка на быка. – Что вы от него хотите? Типичный полицейский – грубый, бесцеремонный, тупой. Не понимаю, что его могло связывать с такой женщиной, как Ламия. Поистине, красавица и чудовище! Ведь она такая нежная, утонченная, умная – само совершенство. А он? Урод и дурак.

Морис Бэйтс с любопытством взглянул на адвоката. То, что он слышал, походило на вспышку ревности. Бледное до этого лицо Антонио Рамираса теперь пылало, на нем отражались то гнев, когда он говорил о капитане Санчесе, то нежность, когда речь заходила о Ламии Ламиане. Над этим стоило подумать. Морис Бэйтс почувствовал невольный интерес к женщине, которая, даже находясь в тюремной камере, умела внушать такую страсть мужчинам, встречающимся на ее пути.

– Расскажите мне, в чем обвиняют сеньору Ламиани и насколько велика вероятность того, что ее оправдают или осудят, – попросил Морис Бэйтс. И равнодушно добавил: – О капитане Санчесе я все знаю и без вас.

– Обвинение просто абсурдно, – с видимым усилием справившись со своими эмоциями, заявил адвокат. – Якобы Ламия убила своего спутника, Мигеля Гарсию, когда они путешествовали по Ирландии. Это случилось во время экскурсии по замку Лип в графстве Оффали. В часовне они наткнулись на рычаг, который открывал люк в полу. Таким способом бывшие хозяева замка расправлялись со своими врагами. Но ведь Ламия даже не догадывалась об этом! Она из любопытства случайно дотронулась до рычага, люк открылся, и ее спутник провалился в него. Под часовой оказалась темница, утыканная деревянными кольями, торчащими острями вверх. На них и упал Мигель Гарсия...

Антонио Рамирас обратил на Мориса Бэйтса почти умоляющий взгляд и, словно пытаясь найти сочувствие, которого он не встретил у судьи, сказал:

– Согласитесь, что это всего лишь трагическая случайность. В худшем случае, неумышленное убийство, совершенное по неосторожности, не так ли?

– А что думает об этом прокурор? – спросил Морис Бэйтс, проигнорировав вопрос.

– Он считает, что Ламия нарочно заманила Мигеля Гарсию в замок и там хладнокровно убила, причем заранее спланировала это преступление, – с возмущением произнес адвокат.

– А в действительности все было не так?

– Разумеется! – воскликнул Антонио Рамирас. – Вы только представьте себе эту картину: человек, истекающий кровью на колыях, пронзивших его тело... Какая-то средневековая жуть! Но ведь любой, кто только взглянет на Ламию, сразу поймет, что это явная чепуха. Она милая и очень кроткая женщина. А такой зверский замысел и его хладнокровное исполнение в пору разве какому-нибудь Джеку Потрошителю.

– Женская душа – потемки, – философски заметил Морис Бэйтс.

Адвокат посмотрел на него с упреком и возразил:

– Только не в этом случае. Ламия очень сильно переживала смерть своего друга. Как она призналась мне, даже хотела покончить жизнь самоубийством. Но нашла в себе силы жить дальше.

– И уже на следующий день утешилась в казино крупным выигрышем, – произнес Морис Бэйтс, вспомнив рассказ капитана Санчеса.

– Что вы сказали? – не расслышав, переспросил его адвокат.

– Я спросил о размере залога, который назначил судья, – слукавил Морис Бэйтс. Ему надоело поддразнивать этого юнца, который, как и капитан Санчес, был очарован этой женщиной настолько, что потерял разум и был готов пожертвовать многим, если не всем, ради нее.

– Пять миллионов евро, – сказал адвокат. – Самое обидное, что у самой Ламии на банковском счету есть такие деньги, и даже намного больше. Буквально за день до ареста ей перевели десять миллионов. Но судья наложил на них свою лапу. И несчастная оклеветанная Ламия вынуждена томиться в тюремной камере, хотя могла бы спокойно ждать суда на свободе. Это жестоко и несправедливо! Ведь она так же невиновна, как мы с вами.

Он замолчал и, с внезапной тревогой посмотрев на Мориса Бэйтса, спросил:

– Для вас эта сумма не проблема?

– Сущие пустяки, – успокоил его Морис Бэйтс. – Вы подготовили документы?

– Да, – радостно произнес Антонио Рамирас. – И даже переговорил с судьей. Если сегодня вы внесете деньги, то уже завтра, в крайнем случае, послезавтра ворота тюрьмы распахнутся перед нашей Ламией. Решением суда ее обяжут не покидать пределы Испании и дважды в неделю отмечаться в полиции по месту жительства. Но это простая формальность и...

– На какой счет перевести деньги? – не дослушав, со вздохом поинтересовался Морис Бэйтс. Его раздражала неумеренная болтливость адвоката.

Когда все вопросы были оговорены, он сухо спросил:

– Вы не могли бы порекомендовать мне гостиницу неподалеку? Я плохо знаю Мадрид.

– Отель «Атлантико», – ответил, подумав, адвокат. – Находится совсем рядом отсюда, и всего в нескольких минутах ходьбы от монастыря Дескальсас-Реалес. На тот случай, если вы захотите послушать мессу или помолиться святой Деве Марии.

– Это вряд ли, – хмыкнул Морис Бэйтс. – Я не католик.

Услышав это, Антонио Рамирас набожно перекрестился. В его взгляде читалось, что он возмущен до глубины души, услышав подобное признание, сделанное таким легкомысленным тоном. Только сейчас Морис Бэйтс заметил, что единственным украшением офиса адвоката было деревянное распятие, висевшее на стене над головой Антонио Рамираса.

– Но я верю в Бога, – заверил он адвоката, судя по всему, фанатично религиозного, как многие испанцы. – В того, который создал всех нас.

Сказав это, Морис Бэйтс ушел, оставив Антонио Рамираса наедине с его святыми мыслями о Деве Марии и грешными – о Ламии Ламиани.

Уже через полчаса Морис Бэйтс арендовал номер в отеле «Атлантико» с видом на кишашую автомобилями Гран Виа. Он со вздохом облегчения опустился в мягкое кресло, стоявшее напротив окна, и позвонил Ирэн.

– Привет, – сказал он, услышав ее мелодичный голос. И тихо произнес: – *Te echo mucho de menos, amor mío.*

Это означало «я по тебе скучаю, любовь моя». Он знал, что Ирэн не знает ни слова по-испански, поэтому был так смел.

– Что ты сказал? – переспросила Ирэн. – Прости, но я не расслышала.

– Я спросил, переведены ли уже пять миллионов евро на счет, который я выслал тебе полчаса назад, – сказал Морис Бэйтс самым серьезным тоном.

– Да, – ответила Ирэн. – Надеюсь, ты не потратишь эти деньги на женщин?

– Только на одну, – пообещал он. – Но зато какую!

– Никогда не пойму, когда ты говоришь серьезно, а когда шутишь, – вздохнув, сказала девушка. – Мне следовало бы рассердиться на тебя, но я не могу. Это все, что тебе было нужно от меня?

Неожиданно в голову Мориса Бэйтса пришла одна мысль, и он попросил уже совсем другим тоном:

– Ты могла бы сделать кое-что лично для меня? Но предупреждаю, что Мартину Крюгеру это может не понравиться.

Помолчав, девушка ответила:

– Это его проблемы. Что я должна сделать?

Морис Бэйтс еще какое-то время сомневался. Ирэн была ему дорога, и он не хотел, чтобы из-за его просьбы у нее были неприятности. Но то, что он хотел узнать, было слишком важно для него. И он все-таки решился.

– Посмотри по банковским выпискам, когда Мартин Крюгер в последний раз переводил деньги на имя некой Ламии Ламиани.

– Хорошо, – сказала Ирэн, как обычно, не задавая лишних вопросов.

– Прошу тебя, будь остро..., – начал Морис Бэйтс, но девушка уже отключила телефон.

Морис Бэйтс почувствовал угрызения совести. Он изводил себя попреками целый час, пока не получил от Ирэн короткого смс-сообщения, в котором не было ничего, кроме нескольких цифр, обозначающих день, месяц и год.

Прочитав сообщение и сопоставив даты, Морис Бэйтс невольно вздрогнул – Мартин Крюгер заплатил Ламии Ламиани десять миллионов евро в тот же день, когда погиб его дядя, Эргюс Бэйтс. Это могло быть простым совпадением. А могло и не быть.

После мощного взрыва от Эргюса Бэйтса не осталось ничего, как будто старого эльфа никогда и не существовало на свете. Следствие так и не установило, кто подложил взрывное устройство в его дом. Морис Бэйтс знал, что некоторые опрошенные полицией соседи вспомнили, как незадолго до взрыва из ворот дома дяди выехал автомобиль, за рулем которого находилась молодая женщина. Но ее так и не нашли.

«А если это была Ламия Ламиани?» – подумал Морис Бэйтс. И сам ужаснулся этой мысли. На память ему пришли слова, сорвавшиеся с губ Мартина Крюгера, когда он упомянул о дяде Эргюсе в связи с библиотекой замка тамплиеров. «А я жалел, что отдал приказ», – сказал Мартин Крюгер. Что эта вырвавшаяся невзначай фраза значила? Ламия Ламиани работала на Мартина Крюгера, возможно, убивала по его приказу. А от замка Лип, где она тогда находилась, до Лондона не так уж далеко...

«Нет, лучше не думать об этом, – покачал головой Морис Бэйтс. – Во всяком случае, сейчас».

У него было чувство, что он сходит с ума. Он подошел к мини-бару, налил стакан виски, хотел его выпить, но увидел свое отражение в зеркале, висевшем на стене. Он долго смотрел на него, а затем выплеснул виски в лицо своему двойнику.

Усталость и нервное перевозбуждение сделали свое дело. Внезапно Морис Бэйтс почувствовал непреодолимую сонливость. Он дошел до кровати и упал на нее, не раздеваясь. Мрак мгновенно окутал сознание эльфа, напустив на него демонов мести, скрывающихся в нем. Всю ночь Мориса Бэйтса мучили кошмары.

Глава 6

Наутро Морис Бэйтс проснулся с сильной головной болью, все тело ныло и ломило, словно он перенес тяжелую болезнь. Не хотелось вставать и даже открывать глаза. Но приняв ледяной душ, он почувствовал в себе силы жить дальше. Вчерашний день канул в небытие, и Морис Бэйтс постарался забыть о нем. У него было слишком много дел в настоящем и еще больше планов на будущее, чтобы рефлексировать из-за прошлого. Он всегда с презрением относился к шекспировскому Гамлету, о котором узнал от Ирэн, любившей театр. И теперь, попав в подобную ситуацию, не хотел уподобляться слабовольному датскому принцу.

Морис Бэйтс пил в ресторане отеля приготовленный специально для него обжигающе горячий ирландский чай с медом и виски, посыпанный щепоткой мускатного ореха, когда ему позвонил Антонио Рамирас.

– Ламия выйдет через час, – захлебываясь от радости словами, почти кричал адвокат. – Сейчас я заеду за вами, и мы встретим ее. Или я могу один, если вам некогда.

– Это далеко? – спросил Морис Бэйтс, морщась от звука его голоса.

– Тюрьма Сото дель Реаль находится в сорока километрах к северу от Мадрида.

– Я жду вас, – принял решение Морис Бэйтс. – Сам я сегодня не рискну сесть за руль, так что поедем на вашей машине.

Автомобиль адвоката подкатил к отелю уже через пять минут. Морис Бэйтс вышел через пятнадцать, и все это время Антонио Рамирас периодически подавал короткие сигналы, изнывая от нетерпения. К нему уже направился разозленный полицейский, когда Морис Бэйтс сел в автомобиль, и тот, сразу набрав скорость, помчался по Гран Виа, лавируя между другими машинами и почти чудом избегая столкновения.

– Я люблю быструю езду, – спокойно заметил Морис Бэйтс. – Но за городом, где нет полицейских и можно не так строго соблюдать правила дорожного движения. Если вы не возьмете себя в руки, то мы попадем в аварию или вас арестуют, и встречать Ламию Ламиани мне придется одному.

Довод подействовал, и Антонио Рамирас снизил скорость и даже сменил стиль езды, покорно следуя в веренице выезжающих из Мадрида машин. Его нервное возбуждение теперь выразилось только в потоке слов, который он обрушил на Мориса Бэйтса.

– Вы никогда не были в тюрьме Сото дель Реаль? – спросил он. И, не дожидаясь ответа, начал рассказывать. – Это не одно здание, а целый городок, огражденный высокой бетонной стеной от окружающих его полей и протекающей неподалеку реки. А над всеми блоками, в которых содержатся заключенные, возвышается сторожевая башня. Вы увидите ее еще издали. Мне всегда хотелось забраться на ее смотровую площадку и взглянуть на окрестности.

– Нет ничего проще, – заметил Морис Бэйтс. – Совершите преступление. Вас отправят в эту тюрьму. И вы сможете осуществить свое желание.

– Заключенных на эту башню едва ли пускают, – не поняв шутки, возразил ему адвокат с самым серьезным видом. – А вообще-то их жизни в тюрьме Сото дель Реаль можно даже позавидовать. В тюремных блоках в основном двухместные и одиночные камеры, и все они оборудованы собственным санузелом. Как вам это, а?!

– Впечатляет, – кивнул Морис Бэйтс. Он не слушал адвоката, а думал о своем, иногда кидая реплики, чтобы поддержать разговор.

– Заключенные имеют возможность работать в производственных мастерских, а желающие учатся в школе, посещают библиотеку и спортивный комплекс с бассейном, – восторженно продолжал Антонио Рамирас. Он был похож на риэлтора, который пытается продать клиенту загородный дом. – Здесь есть даже свой детский сад для женщин, отбывающих срок вместе с

малолетними детьми. Не случайно тюрьма Сото-дель-Реаль считается образцовой. Мне стоило больших усилий, чтобы Ламию перевели сюда.

Сказав это, он посмотрел на Мориса Бэйтс с таким видом, словно ожидал от него похвалы.

– Испанцы имеют удивительную способность – они восхищаются всем, что есть в их стране, даже тюрьмами, – сказал с усмешкой Морис Бэйтс. – Стоит ли удивляться, что именно в Испании столько веков процветала инквизиция.

Антонио Рамирас бросил на него неодобрительный взгляд. Но не стал спорить, потому что увидел сторожевую башню, показавшуюся вдаль. Он жестом указал на нее Морису Бэйтсу.

– Чем-то она напоминает мне библейскую Вавилонскую башню, – заметил тот. – Интересно, сколько заключенных содержится в этой тюрьме?

– Свыше полутора тысяч, – мгновенно ответил адвокат. Казалось, он знал об этой тюрьме все, что только было возможно. – Каждая четвертая из них – женщина.

– Есть иностранцы?

– Должны быть. Помнится, в газетах писали, что судья отправил сюда сбежавшего из своей страны русского олигарха, заподозренного в отмывании денег и неуплате налогов уже в Испании. Да и Ламия, насколько мне известно, не испанка.

– И смешал Господь язык их, так чтобы один не понимал речи другого, – задумчиво произнес Морис Бэйтс. – И рассеял их по всей земле... На горе всем остальным ее обитателям.

– Ваша последняя фраза не из библейского предания – с удивлением посмотрел на него Антонио Рамирас. – Я хорошо знаю Библию. В ней этого точно нет.

– А надо бы вписать, – хмуро произнес Морис Бэйтс. – Потому что это святая истинная правда.

Антонио Рамирас хотел что-то сказать, но не успел, потому что в этот момент автомобиль подъехал к тюремным воротам. Они вышли из салона. От реки веяло благодатной прохладой. В отдалении паслось стадо коров, изредка доносилось их мычание. Благодать патриархальной картины нарушали окружающие тюремный городок выщербленные бетонные стены, которые превращали идиллический пейзаж в одну из ужасающих картин Гойи периода его безумия.

Морис Бэйтс думал об этом, когда ворота отворились, и из них вышла женщина неопределенных лет с тусклыми темно-зелеными глазами на бледно-сером лице, которое обрамляли ломкие и сухие пряди черных волос. Она была одета в мешковатое платье, которое когда-то было, несомненно, дорогим, а теперь выцвело, обтрепалось и выглядело, как тряпка. Если бы Морис Бэйтс встретил эту женщину на улицах Мадрида, он принял бы ее за опустившуюся нищенку, знававшую лучшие дни.

– Ламия! – радостно закричал Антонио Рамирас, заставив Мориса Бэйтса вздрогнуть от неожиданности. – Мы здесь!

Женщина медленно, словно нехотя, подошла к ним. И с презрением взглянула на автомобиль адвоката. Это был старенький seat самой распространенной в Испании модели, к тому же изрядно испачканный дорожной пылью.

– Я должна ехать на этом катафалке? – произнесла она тоном, в котором слышалось змеиное шипение, хотя в словах не было ни одного шипящего звука. – Да я лучше пойду пешком до Мадрида!

Антонио Рамирас побледнел от огорчения и начал что-то жалобно лепетать в свое оправдание. Но Ламия небрежно отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

– Ты выполнил все мои поручения?

– Разумеется, Ламия, – ответил адвокат. Он выглядел щенком, который подобострастно крутится вокруг хозяина, радостно виляя хвостом даже после того, как его наказали. – Я заказал тебе одноместный номер в отеле Silken Puerta America с кроватью размером «queen-size».

– На каком этаже? – придирчиво поинтересовалась женщина.

– На том самом, который проектировал архитектор Жан Нувель. Мне предлагали номер на этаже Заха Хадида, и даже за более умеренную плату, но я решительно отказался. Сказал, что это не тот стиль в архитектуре, который может тебе понравиться.

Женщина удовлетворенно кивнула. В ответ на недоуменный взгляд Мориса Бэйтса адвокат словоохотливо пояснил:

– В отеле двенадцать этажей, и еще на этапе строительства каждый из них был спроектирован одним из всемирно известных архитекторов в его собственном неповторимом стиле. А клиентам предоставлено право выбора, что им больше по вкусу. Оригинально, не правда ли?

– По-моему, слишком оригинально, – сухо заметил Морис Бэйтс.

– В этом вся Ламия, – с восторгом заявил Антонио Рамирас. – Она и сама необыкновенная!

– После гостиницы я хочу прошвырнуться по магазинам и пообедать в ресторане, – сказала Ламия с таким видом, словно находилась в одиночестве и размышляла вслух. И обратилась к адвокату: – Ты кое-что забыл.

Заметив появившееся на лице Антонио Рамираса недоумение, она раздраженно пояснила:

– Дать мне свою кредитную карту и пару тысяч песо наличными на мелкие расходы.

– Но я думал, что буду сам оплачивать..., – растерянно пробормотал тот.

– Так и будет, когда я позволю тебе сопровождать меня, – надменно ответила Ламия. –

Но сегодняшний день я хочу провести одна.

Жалко улыбающийся Антонио Рамирас безропотно отдал ей свою банковскую карту и несколько купюр, достав их из кожаного портмоне.

– Да, а как насчет корриды? – спросила Ламия. – Ты достал билеты на feria de San Isidro? Антонио Рамирас, как китайский болванчик, часто закивал головой.

– Конечно, в наше время уже не те матадоры, что были раньше. Геррите, Гранеро, Хоселито, Бельмонте, Манолете – они не боялись рисковать своей жизнью, выходя на арену, – сказала, ни к кому не обращаясь, Ламия. – Не то, что нынешние трусы. Но за неимением лучшего сгодятся и они. Обожаю корриду! А ты, Антонио?

В глазах женщины, до этого тусклых и безжизненных, появились яркие искорки возбуждения, и они мгновенно преобразились, став манящими и прекрасными.

– Я люблю все, что нравится тебе, Ламия, – подобострастно ответил адвокат. – Ты же знаешь!

– А твоему спутнику нравится бой быков? – спросила женщина, казалось, только сейчас заметившая, что Антонио Рамирас приехал не один.

– Спроси у него сама, Ламия, – предложил адвокат, не рискуя отвечать за Мориса Бэйтса, который, несмотря на свою сдержанную вежливость, вызывал у него необъяснимый страх. – Кстати, это...

Морис Бэйтс, который до этого с некоторым изумлением смотрел на разыгрывавшуюся перед ним сцену, не дал ему договорить.

– Зови меня Морис, – сказал он. – Я тот, благодаря кому ты вышла из этой клетки. Мне надо кое-что обсудить с тобой.

– Ну, если ты меня об этом просишь..., – ответила насмешливо Ламия и сделала вид, что задумалась. – Хорошо, после корриды. Закажи столик в ресторане на террасе моего отеля, чтобы мне не пришлось далеко ходить. Будем пить вино, любоваться вечерним Мадридом и обсуждать условия сделки, которую, как я понимаю, ты хочешь со мной заключить. Благотворительность в нашем мире не в чести. И бескорыстных мужчин уже давно не осталось.

Она вздохнула с видимым сожалением и добавила:

– Только не обижайся и не принимай мои слова на свой счет. Просто я всегда предпочитаю говорить правду.

Но в это Морис Бэйтс не поверил. В глазах женщины он видел только одно желание – скрыть свои истинные мысли. А они были очевидны – Ламия хотела превратить его в такого же послушного раба, какими были Карлос Санчес и Антонио Рамирас, и использовать в своих интересах.

Морис Бэйтс с трудом отвел взгляд от глаз Ламии. И с удивлением подумал, что без возражений согласился на ее условие. Это было странно, учитывая, что время он ценил дороже всего. Но только что он потерял целый день лишь потому, что Ламия, изголодавшись в тюрьме по развлечениям, собиралась прошвырнуться по магазинам и насладиться убийством быков. Что сказал бы Мартин Крюгер, узнай он об этом?

Морис Бэйтс заметил, как Ламия вздрогнула, а улыбка исчезла с ее тонких губ. Ему показалось, что она прочитала его мысли. И он дал себе слово впредь быть осторожным в присутствии этой женщины, и следить не только за своими словами, но и за тем, что он думает.

– Так мы едем? – нетерпеливо поинтересовалась Ламия. – Надеюсь, вы не хотите вернуть меня обратно в тюрьму? Предупреждаю, это разобьет мне сердце и лишит последних иллюзий, которые я питаю в отношении благородства мужчин.

– Ламия, – с укоризной покачал головой Антонио Рамирас. – Как ты можешь так зло шутить! Чем я заслужил это от тебя?

Но Морис Бэйтс смущенно промолчал. Именно эта мысль промелькнула в его голове за мгновение до того. Он уже начал жалеть, что согласился на предложение Мартина Крюгера. Протеже старого гнома, эта паршивая овца из древнего рода ламиаков, была слишком безобразна, избалована и непредсказуема, чтобы оказаться полезной в предстоящем деле. А вот проблем, судя по всему, она могла доставить немало.

Но было уже поздно что-либо менять. И, обреченно вздохнув, Морис Бэйтс сел в автомобиль, из приоткрытого окна которого ему насмешливо улыбалась Ламия. Только Антонио Рамирас выглядел довольным и даже счастливым, как ребенок, получивший игрушку, о которой он давно мечтал. Всю обратную дорогу до Мадрида он не закрывал рта, не замечая, что его спутники не слушают, о чем-то размышляя. И мысли эти были, судя по их лицам, очень неприятными.

Глава 7

Когда автомобиль остановился перед отелем Silken Puerta America, Ламия едва дождалась, пока Антонио Рамирасу предупредительно откроет перед ней дверцу. Ее угнетало присутствие Мориса Бэйтса и необходимость сдерживаться при нем, и она спешила избавиться от него.

Однако в отеле Ламию ждало еще одно испытание. В зале было многолюдно. Она шла к стойке регистрации, почти физически ощущая удивленные и даже возмущенные взгляды, направленные на нее со всех сторон. Ламия понимала, что иначе и быть не может, пока она не снимет с себя, словно старую змеиную кожу, потрепанное платье и не избавится от омерзительного запаха тюрьмы, казалось, въевшегося в ее плоть. И, тем не менее, это злило ее. Она едва сдерживалась, чтобы не выцарапать кому-нибудь глаза. Но если бы Ламия начала скандалить, как раньше, когда она была уверена в своей безнаказанности, то ее попросту выставили бы из отеля. Или, того хуже, вызвали бы полицию, и она снова очутилась бы в тюрьме, проведя на свободе меньше часа. Приходилось мириться с положением изгоя, в котором она оказалась по своей вине.

– На мое имя заказан номер, – стараясь скрыть клекотавшую в ней ярость, обратилась она к стоявшему за стойкой мужчине в костюме, напоминающем смокинг. И с вызовом сказала: – Я Ламия Ламиани!

– О, да, мадам Ламиани, – радостно улыбнулся портье, заглянув в стоящий перед ним монитор компьютера. – Мы счастливы вас видеть! Вы давно не были у нас. Вы без багажа?

– Багаж подвезут позднее, – ответила Ламия, не став ничего объяснять.

– О, разумеется, – понимающе кивнул портье. – Кстати, для вас оставили билет на кориду, мадам Ламиани. Я взял на себя смелость положить его в конверт.

И он протянул ей ключ от номера вместе с конвертом, внутри которого находился входной билет на арену Лас-Вентас.

Поблагодарив портье надменным кивком головы, Ламия направилась к лифту. Никто из постояльцев отеля не вошел вслед за ней в кабину, и она поднялась на нужный ей этаж в полном одиночестве, с отвращением рассматривая свое отражение в зеркалах.

Лифт остановился, и она вышла в мир, созданный буйной фантазией французского архитектора Жана Нувеля. К своему номеру Ламия шла строгим темным коридором, в котором самым удивительным образом сочетались материалы из стали, стекла и металла, превратив окружающее пространство в произведение искусства. Когда-то Ламия была буквально очарована одним из творений этого архитектора – башней Torre Agbar в Барселоне. Благодаря искусному освещению, в темноте здание превращалось в искрящийся столп. А окружающее башню радужное сияние создавало иллюзию низвергающегося водопада. Но сейчас Ламии было не до архитектурных красот в стиле хай-тек, и она даже не заметила их. Щедрость Антонио Рамираса, которому из-за ее прихоти пришлось переплатить, чтобы арендовать номер именно на этом этаже, пропала даром.

Номер, обставленный дорогой мебелью в серебристо-дымчатых тонах, выглядел роскошно. Но даже это оставило Ламию равнодушной. Она чувствовала себя смертельно уставшей. Ей казалось, что она могла бы проспать целые сутки, а то и несколько дней, если бы ей дали такую возможность. Однако, переборов искушение, Ламия прошла мимо огромной шикарной кровати и подошла к громадному, во всю стену, окну, заливавшему комнату ярким солнечным светом. И надолго замерла, безучастно глядя на расстилающийся перед ней Мадрид. Она размышляла, как полководец, озирающий с вершины холма будущее поле битвы.

Год, проведенный Ламией в тюрьме, не изменил ее отношения к жизни, а только озлобил. Раньше она презирала людей, теперь ненавидела их всей душой. Даже капитан Карлос Санчес

с его страстной любовью, доходящей до самопожертвования, не вызывал у нее ничего, кроме отвращения, особенно когда она узнала, как он распорядился ее выигрышем в казино. Она едва терпела его во время их свиданий, на которые полицейский являлся с завидным постоянством раз в неделю, преодолевая ради этого сотни километров от Леона до Мадрида и обманывая свою жену разными небылицами о служебной необходимости. Ламия давно бы отказалась от этих встреч, если бы не надеялась с его помощью оказаться на свободе. Кроме того, что капитан Санчес скрыл от следствия некоторые улики, имеющие отношение к ее делу, он оплачивал ее адвоката.

Разумеется, Ламия была способна и сама покинуть тюрьму, наведя морок на надзирателей и охранников, которые сами открыли бы ей ворота. Но тогда ей пришлось бы много последующих лет скрываться от Интерпола, международной полицейской организации, имеющей филиалы во всех более или менее развитых странах. Единственное место на земле, где Ламия могла бы чувствовать себя в безопасности, был остров Кеймада-Гранди, где она родилась и откуда сбежала, едва достигнув совершеннолетия, дав себе зарок никогда сюда не возвращаться. Кому-то этот крошечный островок, затерянный в океане вблизи берегов Бразилии и буквально утопающий в тропической зелени, мог показаться райским уголком. Но если это и был рай, то лишь для змей, которыми остров буквально кишел и которые давно уже изгнали остальных его обитателей. Выжить и прижиться здесь смогли только ламиаки – древний народ, при необходимости умеющий принимать змеиный облик, но не имеющий ничего общего со змеями, как современные люди – с обезьянами. Ламиаки были коварны, жестоки и безжалостны. Такой же была и Ламия. Но, плоть от плоти своего народа, она не могла жить среди сородичей – ни в юности, ни тем более теперь, когда познала все прелести цивилизованного мира. Поэтому Ламия весь минувший год оставалась в тюрьме, ожидая, когда капитан Санчес и нанятый им адвокат выполнят свои обещания, и она сможет вернуться в человеческий мир полноценным членом общества, имеющим право пользоваться всеми его благами.

Однако, несмотря на то, что она полностью подчинила себе разум и волю этих двух людей, они были бессильны в мире правосудия. Этот мир, как Ламия вскоре поняла, подчинялся не ее прихоти, и даже не закону, а власти денег. Того, кто мог откупиться, оправдывали, какое бы преступление он ни совершил. Остальных осуждали – в назидание тем, кто, имея деньги, питал иллюзии насчет справедливости существующей судебной системы. У капитана жандармерии Санчеса и адвоката Рамираса, несмотря на то, что они имели непосредственное отношение к этому миру, оказалось недостаточно средств, чтобы вызволить Ламию из тюрьмы. Они могли только затянуть судебное разбирательство и обеспечить ей сносное существование в тюремной камере, но не более того.

Осознав это, Ламия направила полицейского к Мартину Крюгеру, но тот отказался даже выслушать его.

Тогда Ламия пришла в отчаяние. Она привыкла к свободе передвижения и к тому, что ее прихоти решают все, а в тюрьме она была вынуждена подчиняться определенным правилам и чужой воле. Это насилие, которое неустанно, день за днем, совершалось над ней, отразилось на ее внешнем облике. Из молодой и красивой женщины она постепенно превратилась в бесполое существо неопределенной наружности. К счастью для нее, ни Карлос Санчес, ни Антонио Рамирас, по-прежнему находясь под ее гипнотическим влиянием, не замечали этого.

Однако так не могло продолжаться бесконечно. Рано или поздно они прозрели бы, да и судья мог вынести самый суровый приговор. Поэтому Ламия начала уже склоняться к мысли о побеге – скучная жизнь на острове Кеймада-Гранди была все же лучше, чем гаррота или пожизненное заключение в одиночной камере.

Именно в этот момент появился Морис Бэйтс – как сказочный рыцарь на белом коне, спасающий прекрасную принцессу от ужасного дракона.

Но Ламия не была настолько наивна, чтобы верить в сказки. Разговаривая с юнцом-адвокатом, она попутно бегло прошупала мозг ничего не подозревающего незнакомца и уловила в хаосе его мыслей имя Мартина Крюгера. Ей сразу стало все ясно. Она все-таки понадобилась уродливому старому гному, и когда это случилось, он вытащил ее из тюрьмы так же легко и просто, как занозу из пальца.

При одной только мысли об этом Ламия ощутила прилив ненависти к Мартину Крюгеру. И пообещала себе, что он дорого заплатит ей за год, который она провела в тюремной камере – заплатит как в прямом, так и в переносном смысле. Но для этого ей надо было сначала обвести вокруг пальца посланника Мартина Крюгера, а уже затем и самого старого гнома, какой бы опасной эта игра ни была.

Впрочем, относительно Мориса Бэйтса она не беспокоилась. Ламия была уверена, что этот довольно молодой еще мужчина, внешне не очень привлекательный, легко станет одной из ее многочисленных жертв – как только она этого пожелает. И даже то, что он эльф, ничего не изменит. Мужчина, кто бы он ни был, бессилен против ее сексуальных чар, дарованных ей природой и усиленных многолетней практикой. Так было всегда. И так будет впредь.

– *Absque omni exceptione*, – со злой усмешкой прошептала она. – Без всякого сомнения.

Внезапно Ламия почувствовала волнуемое возбуждение, которого давно уже не испытывала. Это был импульс, который решил все, как это не раз бывало в прошлом. Бросив последний взгляд на Мадрид, она отошла от окна, уже ни в чем не сомневаясь. Для нее время раздумий закончилось, пришло время действовать. И все, что она совершала потом в течение этого дня, подчинялось только одному желанию – подтвердить самой себе, что ее власть над мужчинами по-прежнему безгранична. Всю свою жизнь до этого Ламия была уверена, что только ради этого и стоит жить. Как оказалось, ничего не изменилось.

Для начала она позвонила в магазин женского платья на Площади Кастилии, в котором всегда совершала покупки, когда оказывалась в Мадриде. И заказала платье, шляпку и туфли из последней коллекции *Balenciaga* с доставкой на ее имя в отель *Silken Puerta America*.

– Все равно что, лишь бы моего размера, – ответила она на вопрос управляющей магазина, с которой имела дело много лет. – Представляете, Анхелина, так случилось, что мне совершенно не в чем выйти из отеля. Мой багаж потеряли в аэропорту.

– Это просто ужасно! – с искренним сочувствием воскликнула женщина. По собственному опыту общения с мадам Ламиани она знала, что утерянные чемоданы с одеждой стоили немалых денег. Обворожительная мадам Ламиани никогда не скупилась, выбирая для себя наряды.

– Но легко поправимо, поскольку есть ваш чудесный магазин, – польстила ей Ламия. – А после полудня я сама загляну к вам и выберу все, что мне понравится. Поэтому не прощаюсь!

После этого Ламия посетила находящийся в отеле СПА-салон, услугами которого она не раз пользовалась в прежние годы. Ламию и здесь не забыли, как и ее безумно-расточительную щедрость, поэтому встретили радостными улыбками.

– *El futuro pertenece a quienes creen en sus sueños*, – прошептала Ламия, медленно входя в бассейн и ощущая, как горячая вода поднимается от ее коленей к животу, а затем к груди, доставляя почти чувственное наслаждение. – Будущее принадлежит тем, кто верит в свои мечты.

Она искренне верила в это.

Ламия долго плавала в бассейне, а потом нежилась в турецкой бане. Затем она отдала свое обнаженное тело в руки массажиста, даровавшего ей истинное блаженство. После этого, накинув халат, Ламия решила навестить визажиста-стилиста, чей рекламный проспект она увидела в холле отеля. В броской рекламе обещали создать «неотразимый в глазах мужчины образ». Это заинтересовало Ламию, как бизнесмена – происки конкурентов.

Ее встретила миниатюрная девушка без единой выпуклости на худеньком теле и с короткой стрижкой, которая еще больше делала ее похожей на мальчика. Пряди волос были окрашены во все цвета радуги. Одетая она была в голубые джинсы со множеством прорех и ярко-красный топик с надписью «*Quisiera compartir la eternidad contigo*», призывающей разделить вечность на двоих.

Девушка назвала свое имя – Росита и задала несколько вопросов, имеющих отношение к сексуальной ориентации Ламии и ее пристрастиям.

– Лично вам я порекомендовала бы вот эти три образа на выбор, – сказала она затем после недолгого раздумья. – «Женщина-вамп», «Прирученная тигрица» и «Не от мира сего».

Росита показала несколько фотографий, на которых была изображена одна и та же женщина, но с разными прическами и макияжем. Однако ни один из предложенных образов не понравился Ламии. Она с пренебрежением откинула снимки, ядовито заметив:

– В любой из этих фотографий оригинальности не больше, чем в тебе, девочка. Уверена, что ты еще девственница. И весь твой сексуальный опыт ограничивается мастурбацией.

По наполнившимся слезами глазам девушки Ламия поняла, что угадала. И, рассмеявшись, она погладила ее по худенькому острому плечу. Внезапная вспышка ярости, не встретив отпора, угасла, к ней снова вернулось благодушное настроение.

– Впрочем, ты меня убедила, я не буду экспериментировать со своей внешностью, – сказала Ламия. – И знаешь почему?

– Нет, – призналась Росита.

Ламия подмигнула ей и, сделав предостерегающий знак, прошептала, словно открывая тайну:

– Потому что любой эксперимент чреват неожиданностью. А рисковать мне ни к чему, когда на карту поставлено так много. Останусь-ка я сама собой. Это меня еще никогда не подводило.

Ламия придирчиво оглядела себя в зеркале и осталась довольной увиденным.

– Думаю, на сегодняшний вечер достаточно будет модной прически, нового платья, нескольких ювелирных украшений... Ну, и природного шарма, которого мне не занимать. Как ты считаешь?

Росита подняла на нее еще влажные от недавних слез глаза и робко улыбнулась.

– Вам хорошо, вы красивая, – с завистью сказала она, восторженно глядя на Ламию. – И необыкновенная. Таких, как вы, я никогда не встречала. Хотите, я вас просто подстригу? Так, как вы скажете.

– А вот это можно, – покровительственно разрешила Ламия. – Кстати, мне всегда нравились короткие прически, как у тебя. Только не такие пестрые...

Когда Ламия вернулась в свой номер, ее ждал приятный сюрприз. У порога стояли несколько пакетов с логотипом магазина, в котором она заказала себе платье, туфли и сумочку. Их доставили, пока она отсутствовала.

Однако, надев платье, Ламия не смогла сдержать возглас разочарования. Она сразу заметила, что то было ей немного велико. Она привыкла носить одежду, обтягивающую ее так, словно это была ее собственная кожа. Ламия разъярилась, и уже взяла телефон, чтобы позвонить в магазин и потребовать замены, но вдруг поняла, что виновата она сама, заказав одежду того же размера, который носила год назад. А за время, проведенное в тюремной камере, она похудела.

– *Nada es eterno*, – прошептала Ламия, с затаенным страхом разглядывая себя в зеркале. – Ничто не вечно.

Но она не заметила никаких следов разрушения, Ее грудь, бедра и ноги были по-прежнему хороши. А лицо, утончившись, стало даже более одухотворенным, чего ему не хватало раньше. И, с лукавой усмешкой подмигнув своему отражению, Ламия заявила:

– Да, ничто не вечно, кроме меня. А платье мы с тобой купим новое. И даже не одно.

Ламия пообедала в ресторане отеля, вызвав своим отменным аппетитом недоумение официанта. Испытывая жажду, она выпила бутылку шампанского. А потом, заказав такси, она проехала по магазинам, расположенным на улице Алькала. Здесь находились самые модные и дорогие бутики Мадрида, в которых приобрести можно было все, от шляпки до нижнего белья, и даже ювелирные изделия. Ламия не упустила ничего. Пакеты и коробки, которые она привезла обратно в отель, едва вместились в салон автомобиля.

– А теперь – в Лас-Вентас! – приказала она, возвращаясь в такси. – Пора подумать и о душе.

Грандиозная по размерам арена для корриды Лас-Вентас располагалась в конце все той же улицы Алькала. Она была построена в конце двадцатых годов прошлого века, и с тех пор ежегодно, с марта по октябрь, каждое воскресенье здесь проходили бои матадоров с быками. А весь май, когда жители Мадрида праздновали день святого Исидора, небесного покровителя своего города шла FERIA de San Isidro. И для любителей корриды во всем мире не было ничего важнее этого события.

Ламия обожала корриду. И никогда не пропускала FERIA de San Isidro, покупая билеты на лучшие места. Но если другие зрители хотели увидеть, как матадор убивает быка, то она каждый раз жаждала стать свидетельницей того, как бык убивает матадора. Несколько раз ей это удавалось. И она искренне возмущалась, почему в музее корриды, находящемся в административном здании арены Лас-Вентас, хранятся только мумифицированные головы быков, но нет ни одной головы матадоров. Это было бы только справедливо, считала Ламия. Но ей приходилось хранить свои мысли втайне от всех. Когда однажды она высказала их после одного из боев, возмущенные зрители едва не скинули ее саму на залитую кровью арену, с которой только что унесли искалеченного рогами быка матадора. Потом ей долго пришлось объяснять в полиции, что она не хотела вызвать общественных беспорядков, а просто плохо говорит по-испански, и ее неверно поняли коренные жители Мадрида. Ламию отпустили, дав совет впредь обходить арену Лас-Вентас стороной. Она пообещала, но уже на следующий день снова находилась среди зрителей и приветствовала каждый грозный выпад быка радостным криком. Она не беспокоилась за свою безопасность, потому что на этот раз ее сопровождал офицер полиции, допрашивавший ее накануне. Он был без ума от Ламии и убил бы любого, на кого она указала бы пальцем.

Но в этот вечер матадорам везло, и Ламия покинула зрелище разочарованной. Несколько погибших лошадей, чьи животы вспорол острый, как бритва, бычий рог, не удовлетворили ее. Она зашла в маленький ресторанчик, который встретился ей на пути, и заказала бокал мадеры. Но одного бокала ей показалось мало, и она попросила еще. Размышляя о предстоящей встрече с посланником Мартина Крюгера, Ламия незаметно для себя выпила почти целую бутылку. Когда она встала из-за столика, то испытывала приятное чувство легкого опьянения. Она на такси вернулась в отель, приняла ванну, переоделась, весело мурлыкая какую-то песенку. У нее было прекрасное настроение. Она поднялась в лифте на террасу отеля, где ее должен был ждать Морис Бэйтс.

Войдя в ресторан, Ламия попросила метрдотеля провести ее к столику, который заказал ее друг.

– Если, конечно, он не забыл о нашем свидании, – с улыбкой сказала Ламия.

– Вас уже давно ожидают, – улыбнулся в ответ метрдотель, давая понять, что оценил шутку. Он смотрел на женщину, не скрывая своего восхищения.

Покачивая бедрами, Ламия шла за метрдотелем, замечая сладострастные взгляды мужчин, которые пришли сюда с другими женщинами, но забывали о них, как только поднимали на нее глаза. Эти взгляды словно ласкали Ламию нежными прикосновениями. Это было чудесное,

почти физически осязаемое ощущение. Но когда она подошла к столику, за которым в одиночестве сидел Морис Бэйтс, тот, окинув ее равнодушным взглядом, сухо сказал метрдотелю:

– Пожалуйста, не подсаживайте ко мне никого. Моя спутница задерживается, но она обязательно придет.

И это был единственный мужчина в ресторане, на которого неприкрытая и ошеломительная сексуальность Ламии не произвела впечатления.

Глава 8

– Неужели ты не рад меня видеть?

Морис Бэйтс поднял голову от бокала с вином, стоявшего перед ним на столе, и с удивлением посмотрел на молодую и красивую женщину, сказавшую эти слова. Из-под каре коротко подстриженных черных волос на него смотрели темно-зеленые глаза, привыкшие к поклонению и восхищению. Казалось, что взгляд женщины проникает прямо в его душу, завораживая и пленяя. На ней было одето длинное вечернее платье изумрудного, под цвет глаз, оттенка с разрезом от самого бедра, обнажающее гибкую спину и почти не скрывающее обворожительную грудь, на которую ниспадало ожерелье, составленное из множества великолепных черных жемчужин. Такие же жемчужины переливались в ее серьгах, браслетах и кольцах, украшавших изящные руки. Не сразу Морис Бэйтс узнал в этой женщине поразительной красоты и безупречного вкуса ту безобразную и безвкусно одетую нищенку, с которой он разговаривал этим утром у ворот тюрьмы Сото-дел-Реаль. Метаморфоза была поразительной.

Глядя на его ошеломленное лицо, Ламия искренне наслаждалась произведенным впечатлением. Она немало потрудилась ради этого. И теперь по праву пожинала плоды.

– Так рад или не рад? – повторила Ламия, насмешливо улыбаясь.

– Глядя на тебя, я понимаю, что меня не обманули, для такой женщины нет ничего невозможного, – произнес, обретая дар речи, Морис Бэйтс. И тихо, словно в раздумье, повторил по-испански: – No hay nada imposible.

– Я так и буду стоять как соляной столб? – спросила Ламия. В ее голосе прозвучала нотка нетерпения. – Или ты все-таки разрешишь мне присесть за свой столик?

– Прошу, – сухо сказал Морис Бэйтс, подтверждая свое приглашение жестом. Первое впечатление прошло, и он уже снова стал прежним. – Что будешь пить? Здесь подают хорошее красное вино.

– Я предпочитаю коньяк, – сказала Ламия. – Не менее чем полувековой выдержки. Такой имеется? Только пусть бутылку откроют при мне.

– О, разумеется, – заверил ее метрдотель. И с видимой неохотой ушел, оставив их вдвоем.

Вскоре официант принес коньяк. Медленно, словно священнодействуя, открыл бутылку и наполнил бокал. Ламия отхлебнула светлый, почти прозрачный напиток и поморщилась. Вкус ей не понравился. Но виноват в этом, скорее всего, был не коньяк, а она сама. Или, что было вернее, Морис Бэйтс.

Ламия чувствовала разочарование. Сидевший напротив мужчина и говорил, и смотрел на нее не так, как она привыкла. В его глазах не было обожания, а в голосе – желания угодить ей. Впечатление, которое она произвела на него в первое мгновение, быстро уступило место деловитой расчетливости. Он смотрел на нее не как на женщину, которой хотел бы овладеть, а как на делового партнера, который мог быть ему полезен. Но что было хуже всего – Ламия не могла понять, как ни пыталась, что он думает о ней. Казалось, он вообще ни о чем не думает. Однако его пронизательные глаза, в которых светился незаурядный ум, опровергали это.

Возможно, утешала себя Ламия, с ним что-то не так, и виной этому была не она. Не исключено, что он просто не любит женщин, а предпочитает мужчин. Такое бывает, а в последнее время даже нередко, особенно в Америке, откуда он прибыл. Американские женщины, пораженные вирусом эмансипации и увлеченные борьбой за свои женские права, не слишком привлекательны в глазах мужчин. В большинстве своем они стали агрессивными амазонками, и представители когда-то считавшегося сильным пола их опасаются, страшась потерпеть поражение, а потому утешаются обществом себе подобных. Ламия понимала и тех, и других, и никого не осуждала.

И все-таки сомнение в ней было посеяно. Ламия почувствовала, что уверенность покидает ее. Это было непривычное чувство. И она, не сумев сдержать раздражения, почти грубо спросила:

– Так что нужно от меня Мартину Крюгеру?

Это было ошибкой, она поняла это сразу. Но было уже поздно. Губы Мориса Бэйтса раздвинула насмешливая улыбка, словно предательски перебежав с тонких губ Ламии. Все это время он молча наблюдал за Ламией, не пытаясь начать разговор.

– Выходит, что мне не почудилось возле тюрьмы, – сказал он. – Любишь заглядывать в чужую голову?

– А ты? – зло отпарировала Ламия.

– Случается. – кивнул Морис Бэйтс. И примирительно сказал: – Не будем ссориться из-за этого. Предлагаю заключить пакт о ненападении.

– Это как? – озадаченно посмотрела на него Ламия.

– Ты не пытаешься читать мои мысли, я – твои. Согласна?

– По рукам. Почему-то ты вызываешь у меня непреодолимое желание во всем подчиняться тебе.

Морис Бэйтс недоверчиво посмотрел на нее, не зная, говорит она правду или подсмеивается над ним. Но он только что сам разоружил себя, а понять что-либо по лицу Ламии не смог бы самый искусный физиогномист.

– Вот и славно, – сказал он. – Теперь можем поговорить о деле. Ты права, меня прислал Мартин Крюгер. Он сказал, что я могу рассчитывать на тебя в том деле, которое он мне поручил.

Ламия отхлебнула из бокала коньяк, чтобы скрыть радостно вспыхнувшие глаза. И, когда она заговорила, голос ее звучал равнодушно.

– Все зависит от того, во сколько будет оценена моя помощь.

Морис Бэйтс положил на столик рядом с бутылкой коньяка банковскую карту.

– Здесь миллион евро. Еще девять я переведу по завершении дела. Этого достаточно?

Ламия невольно потянулась за картой, но в последний момент передумала и взяла в руки бутылку. Налила себе полный бокал коньяка и медленно выпила. Она не спешила, выгадывая время, чтобы подумать. Она хотела извлечь из ситуации как можно больше выгоды для себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.